

ГЛАВА VII

1740–1741: «НЕЗАКОННОЕ ПРАВЛЕНИЕ»

Время превращений и переворотов.
Фридрих II

«Безмятежный переход престола»

В июле 1739 г. императрица наконец выдала замуж свою племянницу Анну Леопольдовну за брауншвейгского принца Антона-Ульриха. Перспектива стать снохой Бирона заставила Анну-младшую согласиться на этот брак, хотя супруги явно не подходили друг другу.¹ Все же грозная Анна Иоанновна добилась своего: 12 августа 1740 г. она лично восприняла от купели долгожданного наследника, названного по прадеду Иваном.²

Но будущий император Иван III Антонович должен был еще вырасти; иначе в случае смерти Анны Иоанновны неизбежно вставал вопрос о регентстве. Устранение Волынского означало лишь начало нового витка борьбы за власть при императрице, здоровье которой пошатнулось (у нее усилилась подагра и началось кровохарканье). Спустя несколько дней после рождения «принца» вакантное место кабинет-министра было занято будущим канцлером Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым. Очередной взлет его карьеры был обусловлен желанием курляндского герцога найти достойного и вместе с тем послушного оппонента Остерману. После замужества Анны Леопольдовны и появления наследника всемогущий фаворит стал, по оценке саксонских дипломатов, так задумчив, что никто не смел к нему подойти.³

Вокруг большой императрицы закручивались интриги большой европейской политики. Умерший в мае 1740 г. «пруссский Калита» король Фридрих-Вильгельм оставил сыну исправный государственный механизм и 76-тысячную армию, что в сочетании с амбициями молодого Фридриха II предвещало скорые изменения в европейском «концерте». Наметилось сближение Пруссии и Франции, чьи правительства ожидали смерти австрийского императора Карла VI и готовились предъявить территориальные претензии на австрийское «наследство». Накануне крупного международного конфликта позиция России имела принципиальное значение, и на нее нужно было повлиять.

Первым в Петербург прибыл французский посол Иоахим Жак Тротти маркиз де ла Шетарди, чьей задачей было ослабить австрийское влияние при русском дворе. Данные маркизу в 1739 г. инструкции уже предусматривали и такое средство, как устранение «иноземного правительства» России; в связи с чем ему рекомендовалось использовать недовольство старинных русских фамилий.⁴ В мае 1740 г. приехал и английский посол Эдвард Финч, получивший указания информировать Лондон «об интригах и партиях, которые могут возникнуть при русском дворе».⁵ За этим же внимательно следили их австрийский, шведский и прусский коллеги. Франция стремилась сделать Пруссию своей союзницей в будущем конфликте с Габсбургами и подталкивала Швецию к войне с Россией: во взаимных настроениях в Стокгольме русский посол М.П.Бестужев-Рюмин докладывал уже с начала 1739 г.

В воскресенье 5 октября 1740 г. за обедом императрице стало дурно. Приглашенные во дворец министры А.М.Черкасский и А.П.Бестужев-Рюмин после разговора с Бироном отправились к больному Остерману; «душа» Кабинета порекомендовал прежде всего издать распоряжение о наследнике престола. В тот же день манифест о наследнике — «великом князе Иоанне Антоновиче» был написан секретарем Кабинета Андреем Яковлевым под диктовку Остермана.⁶ Но от обсуждения вопроса о реальном правителе-регенте министр уклонился, предпочитая образование регентского совета. Эта идея определенно не понравилась Бирону: «Какой тут совет! — заявил он вернувшемуся от Остермана Р.Левенвольде. — Сколько голов, сколько разных мыслей будет».

Однако, как писал саксонский дипломат, «в манере герцога было так управлять делами, которых он более всего желал, что их ему в конце концов преподносили, и казалось, что все происходит само по себе». Поэтому в написанной уже в ссылке записке «Об обстоятельствах, приготовивших опалу Э.-И.Бирона, герцога Курляндского» бывший правитель мог утверждать, что стал регентом только после усиленных просьб окружающих его лиц.⁷ Пятого октября Миних, Черкасский, Бестужев-Рюмин, Ушаков, А.Б.Куракин, И.Ю.Трубецкой, Н.Ф.Головин, Р.Левенвольде его «нашли способнейшим» к управлению Россией и наиболее «приятным народу». После этого к большинству примкнул и Остерман, которого чуть ли не на носилках доставили во дворец. Вечером того же дня (по донесению Финча) или на следующий день состоялось обращение за санкцией к Анне, ответа на которое не последовало.

Эти лица (прежде всего Миних и Остерман), в свою очередь, давали показания после своего ареста в 1741 г. и запечатлели в мемуарах события последних дней царствования Анны. При этом они охотно уступали честь «выдвижения» Бирона друг другу⁸: сын фельдмаршала Э.-И.Миних на первое место выдвигал Черкасского и Бестужева-Рюмина;⁹ сам Бестужев в те дни считал свое участие в деле утверждения регентства решающим (о чем рассказал секретарю саксонского посольства Пецольду), но на следствии указывал, что именно Миних был «первый предводитель к регентству» Бирона.¹⁰

Стремительное развитие ситуации спутало карты сторонников брауншвейгской четы, которые сами делились на приверженцев Анны Леополь-

довны и принца Антона.¹¹ Возможно, такой поворот был неожиданным и для самой императрицы, и для других лиц, единодушие которых в столь важном вопросе едва ли было искренним. Но открыто выразить свое несогласие решились немногие. Пецольд сообщал, что высшие сановники успешно «надавили» на Остермана, уклонившегося было от поддержки своего соперника. Зато принцесса Анна проявила характер и отказалась поддержать прошение о назначении Бирона регентом, поскольку сама (по данным английского посла) рассчитывала получить власть.¹²

Шестого октября (или скорее вечером 5-го) Анна Иоанновна подписала манифест о наследнике. Началось приведение подданных к присяге; в честь «благоверного государя, великого князя Иоанна» был совершен торжественный молебен в Петропавловском соборе. Но составленное Бестужевым-Рюминым (согласно его показаниям на следствии) «Определение» о регентстве с датой «6 октября» императрица не подписала и оставила у себя.¹³

Потерпев неудачу, Бестужев принялся за составление «челобитной» о назначении Бирона регентом, которую должны были подписать виднейшие сановники. Одновременно Бестужев организовал еще одну «деklarацию» в пользу герцога и призвал подписать ее более широкий круг придворных, включая старших офицеров гвардии «до капитан-поручиков».¹⁴

Чтобы избежать какого-либо проявления протеста, кабинет-министр установил очередь, «впуская в министерскую человека только по два и по три и по пять, а не всех вдруг». Миних-младший упоминал о 50 подписавшихся «понуждением»; по данным саксонского посла, «декларация» собрала 197 подписей.¹⁵ Таким образом, помощники герцога подготовили обоснование для провозглашения его регентом даже в том случае, если бы умиравшая Анна отказалась это сделать. В результате Бирон мог утверждать, что 190 человек «добровольно обязались действовать в пользу назначения моего к регентству», о чем сам он якобы узнал только через сутки.

Применялись и другие, проверенные во время прежних «дворских бурь», меры. Принцессу Анну не оставляли наедине с императрицей; а герцог Антон был допущен к ней лишь однажды, 8 октября. Не всегда пускали к умиравшей и Елизавету — потом это обстоятельство будет поставлено в вину Бирону на следствии.¹⁶

По всей вероятности, ситуация была для Бирона и его окружения отнюдь не беспроигрышной. Правда, к 11 октября удалось преодолеть сопротивление Анны Леопольдовны, давшей согласие на регентство. Безуспешными остались робкие попытки ее мужа изменить ситуацию: Антон-Ульрих то посылал своего адъютанта разведать о происходившей в Кабинете подписке, то отправлялся за советом к своему покровителю Остерману. Опытный царедворец намекнул своему протеже, что действовать можно только в том случае, если у принца есть своя «партия»; иначе разумнее присоединиться к большинству.¹⁷

Но, видимо, перед Бироном были и более серьезные препятствия, чем брауншвейгско-мекленбургская чета. В донесениях Шетарди, Мардефельда и австрийского резидента Н. Гогенгольца от 14 октября, а затем и шведского посла Э. Нолькена опять появились сообщения об образовании, каза-

лось, уже отвергнутого регентского совета из 12 человек, в котором принцессе Анне должно принадлежать два голоса.¹⁸ Шетарди отметил переговоры Бирона с Финчем 15 октября, а шведский посол доложил, что их целью является помещение состояния герцога в английские банки.

Правда, в опубликованных депешах Финча не сообщается о подобном визите — точнее, вообще нет сведений о происходивших между 11 и 15 октября в придворных сферах событиях. Мардефельд же передал в Берлин, что Бирона не ввели в состав регентского совета и его слуги уже начали прятать имущество.¹⁹ Эти сообщения имели под собой основание. После свержения Бирона оказалось, что он успел значительную часть своих движимых ценностей отправить в курляндские «маетности», где их и пришлось разыскивать специально посланным лицам.²⁰

Но попытки изменить ход событий не удались. Как сообщали Шетарди и Нолькен, в среду 15 октября Бирон использовал последнее средство — бросился в ноги к Анне; умиравшая императрица не смогла отказать единственному близкому человеку. Позднее герцог признавал, что был заранее извещен врачами о неминуемой смерти Анны и желал любой ценой получить ее санкцию на регентскую власть.²¹ В тот же день или (по имевшейся в руках следователей в 1741 г. собственноручной записке Бестужева) на следующее утро «определение» о регентстве было подписано.²² Объявленный после смерти Анны документ был датирован 6 октября. Это явно не соответствовало действительности и дало основание заподозрить фальсификацию, о чем сразу же заговорили иностранные дипломаты.²³

Прямого подлога, очевидно, не было, хотя подлинного рукописного текста распоряжения о регентстве у нас нет. Но вокруг умиравшей императрицы, как и в 1725 г., и в 1727 г., была сплетена столь густая сеть интриг, что даже если бы она отказалась исполнить волю фаворита или физически уже не смогла подписать документ, это едва ли изменило бы ход событий: в дело пошли бы заготовленные выражения «общественного мнения». Во всяком случае «безмятежный переход престола», который мог удивлять английского и других послов, скрывал за кулисами очередную «переворотную» ситуацию. Вновь в ответственный момент власть продемонстрировала неустойчивость и зависимость от сиюминутного расклада политических сил даже при заранее определенном наследнике.²⁴

17 октября 1740 г. Анна Иоанновна скончалась между 21 и 22 часами (согласно мемуарам Миниха-младшего и донесениям Финча и Шетарди) в полном сознании и даже успела ободрить своего избранника: «Небось!» В нужный момент выдвинулся генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой. Сохранился автограф его распоряжений Сенату: задержать почту, учредить заставы на выезде из столицы; гвардейские полки вызвать к 8 утра к «летнему дому», где скончалась императрица. Туда же надлежало явиться часом позже сенаторам, синодским членам и особам первых 6 рангов. Не забыл генерал-прокурор распорядиться о новом титуле «регента» для Бирона.²⁵

Так же быстро действовал и Остерман. В своем «мнении» Сенату он предлагал немедленно отправить «циркулярные рескрипты» к русским послам за границей и закрыть все дороги, чтобы опередить известия дип-

ломатов из Петербурга. Самого же Бирона он просил подписать рескрипты, отправляемые в Турцию и Швецию, и направить личные письма султану и визирю, подчеркнув в них «твердость и непоколебимость» внешней политики империи.²⁶ «Старших капитанов» гвардейских полков во дворец потребовали уже 16 октября²⁷ — то ли для увеличения количества подписей под бестужевской «декларацией», то ли для большей уверенности в их поведении.

Сам Бирон позднее писал, что был безутешен и весь день 18 октября даже не выходил из своих покоев; однако мемуары Миниха-младшего запечатлели его стремление держать ситуацию под контролем: «Как скоро императрица скончалась, то, по обыкновению, открыли двери у той комнаты, где она лежала, и все, сколько ни находилось при дворе, в оную впущены. Тут виден и слышен был токмо вопль и стенание. Принцесса Анна сидела в углу и обливалась слезами. Герцог Курляндский громко рыдал и метался по горнице без памяти. Но спустя минут пять, собравшись с силами, приказал он внести декларацию касательно его регентства и прочитать пред всеми вслух. Почему когда генерал-прокурор князь Трубецкой с означенною декларациею подступил к ближайшей на столе стоявшей свече и все присутствующие за ним туда обратились, то герцог, увидя, что принц Брауншвейгский за стулом своей супруги стоял, там и остался, спросил его неукоснительно: не желает ли и он послушать последней воли императрицы? Принц, ни слова не вешав, пошел, где куча бояр стояла, и с спокойным духом слушал собственный свой, или паче супруги своей, приговор».²⁸

Согласно извлеченному из ларца с драгоценностями документу, Бирон получал «полную мочь и власть... управлять на вышеозначенном основании все государственные дела, как внутренние, так и иностранные... как бы от самого самодержавного Всероссийского императора было учинено». До 17 лет император считался несовершеннолетним, а его отец и мать в качестве обладающих властными полномочиями лиц не фигурировали. Им отводилась почетная роль производителей «законных из того же супружества рожденных принцев», которые могли бы занять престол в случае смерти императора; на потомство женского пола эти права не распространялись.

Кроме того, формула «или предвидится иногда о ненадежном наследстве» давала регенту полномочия еще при жизни Ивана III или его братьев начать процедуру выборов нового «сукцессора» вместе с «кабинет-министрами, и Сенатом, и генералами-фельдмаршалами, и прочим генералитетом». При этом регент обладал правом «вольно... о всяких награждениях и о всех прочих государственных делах и управлениях такие учреждения учинить, как он по его рассмотрению запотребно в пользу Российской империи изобретет», что давало ему достаточно широкие возможности в отношении Сената и генералитета. «Устав» предусматривал и возможность отказа регента от правления; в таком случае он устанавливал, «с согласия» Кабинета и Сената, новое правительство и мог отбыть в принадлежавшую ему Курляндию.²⁹

Вслед за поздравлениями и присягой Бирон принял поднесенный ему титул «его высочество регент Российской империи Иоганн герцог Курляндский, Лифляндский и Семигальский». Однако позднейшие допро-

сы секретаря Кабинета Андрея Яковлева сохранили неосторожные слова самого генерал-прокурора Трубецкого, сказанные им перед смертью Анны Иоанновны: «Хотя де герцога Курляндского регентом и обирают, токмо де скоро ее императорское величество скончается, и мы де оное переделаем», — которые хитрый Остерман тут же дал распоряжение Яковлеву записать.³⁰ Другие выражали свое мнение более открыто. Маркиз де Шетарди (в донесении от 21 октября) отмечал явное недовольство сторонников отстраненных от власти родителей императора. Шведский посол Нолькен (от 19 и 21 октября) сообщал о нежелании офицеров гвардии подписывать «декларацию» о назначении Бирона и даже о якобы имевшем место отказе новгородского архиепископа от присяги.³¹ Мардефельд 18 октября передавал слухи о намерении не названных по имени вельмож «вести республиканское правление».³²

Таким образом, возникшая в 1727 г. идея регентского совета при малолетнем императоре как будто проявилась вновь. Но в отличие от междоусобиц 1725 и 1730 гг., уже ни у кого теперь не возникло и мысли о контроле над верховной властью со стороны Сената или каких-либо выборных органов, а организация «народного» волеизъявления жестко контролировалась.

Три недели регентства

Переход власти произошел спокойно. Приказы по гвардейским полкам назначали сбор у дворца на утро 18 октября; очевидно, до того присутствия солдат, помимо обычных караулов, не требовалось.³³ В столице полицейские чины развешивали в людных местах — на рынках, у церквей, у почтового двора — свежеставленные манифесты о начале нового царствования и «через барабан» объявляли обывателям о принесении присяги. Синод распорядился о новой форме «возношения» первых лиц в государстве, среди которых занял свое место (после «государыни цесаревны» Елизаветы) «его высочество регент Российской империи».

За три недели Бирон успел «апробовать» ровно 100 указов.³⁴ Один из первых манифестов предписывал всем должностным лицам «во управлении всяких государственных дел поступать по регламентам и уставам и прочим определениям и учреждениям от благоверного и вечно достойные памяти государя императора Петра Великого... с чистой совестью, сердцем и радением» — новая власть стремилась объявить себя преемницей дел Петра и (или, по крайней мере, декларировала намерение) утвердить приоритет закона в сознании российских чиновников.³⁵ Со ссылкой на петровский указ о роскоши 1717 г. предписывалось «отныне вновь богатых с золотом и серебром платьев... дороже 4 рублей аршин никому себе не делать» и донашивать их до 1744 г., за исключением «императорской фамилии и его высочества герцога регента».³⁶

Другие «милостивые» указы сулили податным сословиям сбавку в уплате подушной подати на 17 копеек за текущий год, преступникам (кроме осужденных по «первым двум пунктам») — амнистию. Заступавшим на посты часовым во всех полках было разрешено носить шубы, дезерти-

рам предоставлена отсрочка для добровольной явки, нерусское население Поволжья (татары, чуваша и мордва) избавлено от уплаты накопившихся недоимок.

А.П.Бестужев-Рюмин получил в награду дом казенного Волынского и 50 тысяч рублей.³⁷ Антону-Ульриху был пожалован титул «высочества». Брауншвейгскому семейству была назначена ежегодная сумма в 200 тысяч рублей, а ничем не проявившей себя в октябрьские дни цесаревне Елизавете — 50 тысяч.³⁸ Регент демонстративно отказался от предложенного ему содержания в размере 600 тысяч рублей, что не избавило его в дальнейшем от обвинения в неограниченном распоряжении казной.

Другие распоряжения Бирона огласке не предавались; но шведский посол, а вслед за ним и другие дипломаты стали сообщать своим дворам о начавшихся в столице арестах. По доносам были арестованы поручики Преображенского полка Петр Ханыков и Михаил Аргамаков и сержант Иван Алфимов, вслед за ними — другие офицеры и чиновники.

С.М.Соловьев видел причину гвардейского недовольства в патриотическом возмущении хозяйничаньем иноземца: «Какими глазами православный русский мог теперь смотреть на торжествующего раскольника? Россия была подарена безнравственному и бездарному иноземцу как цена позорной связи! Этого переносить было нельзя».³⁹ Однако допросы арестованных показывают, что национальность и нравственность Бирона мало интересовали гвардейцев. Не только офицеров, но и рядовых солдат возмущало прежде всего то, что «напрасно мимо государева отца и матери [таких же иноземцев. — И.К.] регенту государство отдали». Однако сами они еще не решились на какие-либо активные действия: только «бранят нас, офицеров, также и унтер-офицеров, для чего не зачинают, что если им, солдатам, зачать нельзя».

Если солдаты еще колебались, то офицеры в 1740 г. уже осознали открывавшиеся возможности. Участвовавший в событиях 1725—1727 и 1730 гг. Петр Ханыков заявил прямо во дворце во время присяги: «Что де мы зделали, что государева отца и мать оставили, <...> а отдали де все государство какому человеку регенту, что де он за человек?» Поручик как будто уже был уверен в поддержке такого предприятия солдатами: «А я б де гренадерам только сказал, то б де все за мною пошли о том спорить, что де они меня любят, и офицеры б, побоявшись того, все б стали солдатскую сторону держать». Подобные мысли — «не прискорбно ли будет» объявленное регентство принцессе Анне и ее мужу — приходили и другим офицерам. В 1740 г. поручики гвардии уже, кажется, были убеждены и в своем праве «отдать государство», и в необходимости помянуть его первых лиц — «регента и сторонников его, Остермана, Бестужева, князь Никиту Трубецкого».⁴⁰

Но для выступления против законной власти офицеры все же нуждались в авторитетном лидере, а его пока не было. Отец императора и подполковник Семеновского полка принц Антон-Ульрих оказался неспособным ни к закулисной интриге, ни к смелому предпринятию. В решающие дни накануне смерти Анны он осмелился только просить совета у брауншвейгского посланника Кейзерлинга. Не отважился он и на встречу с офицером собственного полка Иваном Путятиным, передавшим Антону, что его готовы поддержать не только сослуживцы по полку, но и некоторые сенаторы.

Другие офицеры (отставной подполковник Л.Пустошкин, капитан В.Аристов) обращались к фигурам, казавшимся более надежными предводителями: М.Г.Головкину и официальному главе Кабинета князю А.М.Черкасскому. Первый уклонился от опасного предприятия: «Что вы смыслите, то и делайте. Однако ж ты меня не видал, а я от тебя сего не слыхал; а я от всех дел отрешен и еду в чужие края». Второй сразу же лично донес на своих посетителей.⁴¹

Попали в застенки не только гвардейцы, но и штатские лица, в числе коих был секретарь Кабинета Андрей Яковлев. Этот чиновник не только утверждал брауншвейгскую семью в мысли о подложности «Устава» о регентстве, но и лично пытался «зондировать» общественное мнение на предмет переворота и, «надевая худой кафтан, хаживал он собою по ночам по прешпективной и по другим улицам, то слышал он, что в народе говорят о том с неудовольствием, а желают, чтоб государственное правительство было в руках у родителей его императорского величества».⁴²

В следственном деле перечислено 26 фамилий офицеров и чиновников, против некоторых сделаны отметки: «Пытан. Было 16 ударов». Для надзора же за самим А.И.Ушаковым (в застенки попал его адъютант И.Власьев) герцог распорядился дела «о непристойном и злодейственном рассуждении и толковании о нынешнем государственном правлении... исследовать и разыскивать обще с ним, генералом, генерал-прокурору и кавалеру князю Трубецкому».⁴³

23 октября Бирон в резкой форме потребовал объяснений у брауншвейгского принца: по показаниям арестованных, Антон-Ульрих сомневался в подлинности завещания; якобы мечтал о дворцовом перевороте и хотел «арестовать всех министров». Призванный в собрание чинов первых двух классов (согласно Бирону) или в более широкий круг — до генерал-майоров (по Финчу), принц признался, что «замышлял восстание» и «добровольно» согласился оставить посты подполковника Семеновского полка и полковника Брауншвейгского кирасирского полка. Регент потребовал у присутствовавших публичного подтверждения подлинности «Устава» о регентстве и, в свою очередь, пригрозил отставкой в случае признания собранием герцога Антона более способным. Полномочия регента были признаны законными, и он — по просьбам присутствовавших — согласился остаться на своем посту.⁴⁴

Регент не ограничился формальным подтверждением своих прав. 25 октября Шетарди сообщил в Париж, что «гвардия не пользуется доверием», и для охраны порядка в Петербург введены 2 армейских батальона и 200 драгун (Мардефельд называл 6 батальонов).⁴⁵ Эти сведения не вполне понятны: в столице и ее окрестностях осенью 1740 г. и так были расквартированы 4 полка (Невский, Копорский, Санкт-Петербургский и Ямбургский), а в приказах по гарнизонной канцелярии нет распоряжений о вводе в город дополнительных частей. Возможно, речь шла об усилении патрулей на улицах.

Гвардейцы полагали, что регент собирался «немцев набрать и нас из полку вытеснить». Попытки преобразовать гвардию были поставлены в вину Бирону после его ареста; на следствии он признал, что собирался

«разбавить» неблагонадежные полки новобранцами-рекрутами, а дворян перевести офицерами в армию.⁴⁶ Но если подобные шаги правитель и замыслил, то не успел осуществить: имеющаяся в РГВИА документация гвардейских частей не содержит информации о каких-либо его действиях в отношении гвардии. Однако даже слухи о таких намерениях вызывали ропот в полках, и самому фельдмаршалу Миниху пришлось успокаивать гвардейцев.⁴⁷

Одновременно продолжалось начатое Тайной канцелярией следствие. 26 октября за подписями членов Кабинета был послан указ московскому главнокомандующему С.А.Салтыкову выяснить, что «между народом» говорят о политике, и выявить тех, кто «из глупости» или по злему умыслу позволяет «неприличные рассуждения» о престолонаследии; их надлежало тихо арестовывать «без малейшего разглашения».⁴⁸ Однако верхушечная оппозиция регенту не вышла за рамки разговоров; начинать же новое царствование с репрессий было неловко. К 31 октября допросы были прекращены; некоторых подследственных (ротмистра А.Мурзина, капитан-поручика А.Колударова) просто выпустили, других (адъютантов А.Вельяминова и И.Власьева) освободили с надлежащим «репримандом». Графа М.Г.Головкина, к которому обращались арестованные офицеры, вообще избавили от допросов.⁴⁹

Выяснилось, что среди недовольных были и сторонники Елизаветы. Но принцесса вела себя примерно, и эти дела закончились безобидно: сожалевшего, что дочь Петра I от наследства «оставлена», капрала А.Хлопова отпустили без наказания, а отказавшегося присягать счетчика М.Толстого сослали в Оренбург (при Анне за подобное могли и казнить). Не подтвердился донос преображенского сержанта Д.Барановского, что якобы во дворце Елизаветы «состоялся указ под смертной казнью, чтоб никто дому ее высочества всякого звания люди к состоявшимся первой и второй присягам не ходили», и оттуда же были посланы «в Цесарию два курьера». Следствие выяснило, что такие слухи распространялись в среде придворной челяди и являлись «непристойными вкраями».⁵⁰

Бирон (в записке, адресованной уже императрице Елизавете) сообщал, что Миних докладывал ему о подозрительных сношениях людей двора цесаревны с французским послом и советовал упрятать ее в монастырь. В достоверности этого свидетельства герцога о своем «друге» можно и усомниться; но вот к Елизавете он относился вполне доброжелательно и заплатил ее долги.⁵¹

Не исключено, что «милости» Бирона к дочери Петра I объяснялись не только ее любовью, но и планами самого регента. Шетарди стало известно, что герцог предлагал ей через духовника выйти замуж за его сына Петра; дочь Гедвигу он планировал выдать за племянника Елизаветы, будущего Петра III. Сам же Бирон из ссылки напоминал уже императрице Елизавете Петровне, как его после ареста допрашивали о ночных беседах с цесаревной и о якобы имевших место планах возведения на престол голштинского принца, что он, естественно, с негодованием отвергал.⁵²

Зато по отношению к родителям императора регент не считал необходимым стесняться. Манштейн и Пецольд сообщали, что герцог публично грозил Анне, что отошлет ее с мужем в Германию, а из Голштинии вы-

пишет представителя другой линии династии. На следствии он это подтвердил, хотя и оправдывался тем, что не допустил высылки Анны в «Мекленбургию», а о голштинском принце говорил исключительно из «осторожности».⁵³ По этой же причине Бирон арестовал адъютантов и выслал за границу камер-юнкера принца. Муж правительницы на некоторое время был посажен под домашний арест, но затем, по донесениям прусского и шведского послов, полностью примирился с регентом.⁵⁴ Реестр именных указов Соляной конторе отчасти объясняет причину покладистости Антона-Ульриха: регент оплатил его долги придворному «обер-комиссару» Липману и купцу Ферману в размере 39 218 рублей.⁵⁵

Регент «укрепил» Тайную канцелярию генерал-прокурором, а затем назначил «главным по полиции» князя Я.П.Шаховского, обещав ему всяческую поддержку и даже право входить без доклада.⁵⁶ Сенатором стал В.И.Стрешнев (родственник Остермана), а И.И.Бахметев был назначен обер-прокурором.⁵⁷ Произошло еще несколько перестановок: бригадир Я.И.Кропоткин стал начальником Судного приказа; в Юстиц- и Камер-коллегии были назначены новые вице-президенты — соответственно М.Т.Раевский и Г.М.Кисловский. По докладу генерал-прокурора были определены к местам сразу 35 прокуроров. На уровне провинциальной администрации новый правитель успел только сменить архангельского вице-губернатора А.А.Оболенского (его отправили в Смоленск) на П.К.Пушкина; бригадир П.Аксаков стал вице-губернатором в Уфе⁵⁸ (см. Приложение, Таблицы 1 и 2).

Бирон занимал свою должность слишком недолго, чтобы делать выводы о целенаправленном характере таких назначений. Но, похоже, сам регент к началу ноября почувствовал себя увереннее и стал больше внимания уделять текущим делам. В своих апартаментах он устраивал совещания с сенаторами; 6 ноября вместе с А.М.Черкасским и А.П.Бестужевым-Рюминым явился в Сенат, где «изволил слушать доклады» и накладывать на них резолюции по-русски: «Иоганн регент и герцог».⁵⁹ Побывал он и в Адмиралтействе на закладке нового корабля.⁶⁰ Регулярно посещал Бирон заседания Кабинета, происходившие в доме больного — по причине действительных приступов подагры или предчувствовавшего очередные потрясения Остермана. Финч докладывал 8 ноября, что правитель потребовал себе отчеты о состоянии армии и доходах государства.⁶¹ Бирон даже позволил себе заявить, что любовь подданных к нему такова, что он «спокойно может ложиться спать среди бурлаков»,⁶² и назначил очередной рекрутский набор в 30 тысяч человек, а также распорядился поднять (на 10 копеек за ведро) цену на водку в столице ради быстрейшего строительства «каменных кабаков».

Знал ли герцог, кто такие бурлаки, неизвестно; но его уверенность в прочности своего положения вполне разделялась близким к Бирону английским послом. «Все здешние офицеры и полки гвардии за него, а также большая часть армии. Губернаторы большинства провинций его креатуры и вполне ему преданы», — докладывал Финч в Лондон 1 ноября 1740 г. Об уверенности Бирона в верности ему гвардейских частей писал и Миних: «Под моим началом находился майор Альбрехт, его ставленник и шпион;

Семеновский полк был под начальством генерала Ушакова, весьма преданного Бирону; Измайловским полком командовал Густав Бирон, брат герцога, а Конногвардейским — его сын принц Петр, а так как он был слишком молод, то Ливен, курляндец». ⁶³ Трех гвардейских майоров (И. Гампфа, П. Черкасского и Н. Стрешнева) произвели в генерал-майоры.

Однако не столь близкие к регенту Мардефельд, Нолькен, Шетарди и секретарь австрийского посольства Гогенгольц выражали сомнение в способностях Бирона удержать в своих руках власть. ⁶⁴ Прусский посол прямо предсказал, что герцога низвергнут те же, кто привел его к власти, его король намерен открытия военных действий против Австрии ожидал в России «движений» в пользу Елизаветы или брауншвейгской четы. ⁶⁵

Русский посол в Париже Антиох Кантемир послал Бирону поздравления, но просил адресата его письма передать их герцогу, только «если духовная покойной государыни останется во всей своей силе, иначе же немедленно сжечь его», — и оказался прав: письмо добралось в Россию уже после свержения регента. ⁶⁶ Опоздал и прогноз французского министра иностранных дел Амело, считавшего, что главную опасность для Бирона представляет его правая рука — Миних. ⁶⁷

Крайне честолюбивый Б.-Х. Миних рассчитывал на одно из первых мест в государстве; но ни новых постов, ни ожидаемого звания генерал-лиссимуса он от регента не получил. Более того, уже 30 октября Нолькен сообщил, что после ссоры Бирона с Минихом по поводу оказания последнему почестей со стороны гвардейских караулов фельдмаршал стал появляться при дворе Елизаветы. ⁶⁸ Если допустить, что эти контакты были не случайны, то не исключено, что предусмотрительный фельдмаршал считал возможным использовать имя цесаревны в предстоявшей акции. На следствии 1741—1742 гг. всплыл тот факт, что он якобы призывал караульных гвардейцев действовать во имя прав Елизаветы. Но Миних все же предпочел выступить от имени матери императора.

Постаравшиеся узнать подробности нового переворота дипломаты (Финч и Пецольд) установили, что 7-го или утром 8 ноября 1740 г. Миних имел беседу с Анной Леопольдовной и после ее жалоб на поведение регента обещал принцессе свою помощь. Сам Миних коротко указывал в мемуарах, что Анна поручила ему арестовать герцога. Правда, при этом фельдмаршал упоминал, что некоторые «сановники» уже неоднократно убеждали Анну «арестовать герцога Бирона, отправить его с семьей в ссылку, а вместо него сделать герцогом Курляндским принца Людвига Брауншвейгского» (брата Антона). Миних приводил в воспоминаниях как аргумент в пользу переворота якобы предусмотренное завещанием Анны Иоанновны право регента «испытать» императора по достижении им 17 лет и «вынести суждение о том, в состоянии ли он управлять государством», что не соответствовало действительности — такого пункта в «завещании» не было. ⁶⁹

Другие близкие к Миниху мемуаристы (его сын и адъютант Манштейн) указывают, что сам фельдмаршал взял на себя в этих переговорах инициативу и предложил арестовать герцога. Так или иначе, но в ночь с 8 на 9 ноября 1740 г. акция по свержению регента была осуществлена. ⁷⁰

Между 22 и 23 часами 8 ноября Миних со своим адъютантом отправился в Зимний дворец; принцесса Анна Леопольдовна вышла к ожидаемым ею посетителям, но предложение ехать вместе с фельдмаршалом отвергла. Поскольку санкция со стороны матери императора была необходима, то Манштейн привел в комнаты принцессы караульных офицеров. Анна допустила их к руке, поручила исполнять все распоряжения Миниха в отношении регента и объявила, что «их верность без награждения оставлена не будет». После этого напутствия фельдмаршал вместе с 30 солдатами (по Миниху-младшему) или с 80 (по мемуарам Манштейна) отправился к Летнему дворцу — резиденции Бирона.

Первое профессиональное описание дворцового переворота сделал один из главных участников события — Манштейн: «Шагах в 200 от этого дома отряд остановился; фельдмаршал послал Манштейна к офицерам, стоявшим на карауле у регента, чтобы объявить им намерения принцессы Анны; они были так же сговорчивы, как и прочие, и предложили даже помочь арестовать герцога, если в них окажется нужда. Тогда фельдмаршал приказал тому же подполковнику Манштейну стать с одним офицером во главе отряда в 20 человек, войти во дворец, арестовать герцога и, в случае малейшего сопротивления с его стороны, убить его без пощады».

Отряд вошел во дворец: «все часовые пропустили его без малейшего сопротивления, так как все солдаты, зная его, полагали, что он мог быть послан к герцогу по какому-нибудь важному делу». Вломившись в покои герцога, «Манштейн очутился с той стороны, где лежала герцогиня, поэтому регент соскочил с кровати, очевидно, с намерением спрятаться под нею; но тот поспешно обежал кровать и бросился на него, сжав его как можно крепче обеими руками до тех пор, пока не явились гвардейцы. Герцог, став, наконец, на ноги и желая освободиться от этих людей, сыпал удары кулаком вправо и влево; солдаты отвечали ему сильными ударами прикладом, снова повалили его на землю, вложили в рот платок, связали ему руки шарфом одного офицера и снесли его голого до гауптвахты, где его накрыли солдатской шинелью и положили в ожидавшую его тут карету фельдмаршала. Рядом с ним посадили офицера и повезли его в Зимний дворец». ⁷¹

Затем Манштейн арестовал младшего брата регента, подполковника Измайловского полка Густава Бирона. Столь же легко был схвачен и другой приближенный Бирона — А. П. Бестужев-Рюмин. Главные события бескровного переворота, по данным Финча (со слов самого Миниха), произошли между 3 и 4 часами ночи. Расчет Миниха оказался верен: на караулах в Зимнем и Летнем дворцах стояли солдаты и офицеры его Преображенского полка, и далее откладывать акцию было нельзя, т.к. с 9 ноября на караулы должны были заступить другие полки.

К 5 утра все было кончено, и Преображенский полк получил указание собраться у «зимнего дома», куда уже съезжались чиновники, и среди них — как обычно выздоровевший Остерман. Высшие чины империи, еще недавно чествовавшие Бирона, «утрудили» принцессу просьбой принять правление с титулом «великой княгини Российской». Вслед за поздравлениями последовало принесение новой правительнице присяги, уже третьей за

месяц.⁷² К вечеру того же дня после совещания правительницы с Минихом и Остерманом регент с семьей был отправлен из Зимнего дворца в Шлис-сельбургскую крепость, Бестужев-Рюмин — в Ивангород. Специальные курьеры были посланы с распоряжениями об аресте верных Бирону людей: его старшего брата Карла Бирона, московского губернатора, и его зятя — лифляндского вице-губернатора генерала Лудольфа фон Бисмарка, предка знаменитого германского канцлера.

Изданный от лица младенца-императора манифест (не вошедший в ПСЗ) гласил, что бывший регент «дерзнул не токмо многие противные государственным правам поступки чинить, но и к любезнейшим нашим родителям великое непочитание и презрение публично оказывать и притом с употреблением непристойных угроз, и такие дальновидные и опасные намерения объявить дерзнул, которыми не только любезнейшие родители наши, но и мы сами, и покой и благополучие империи нашей в опасное состояние приведены быть могли бы. И потому принуждены себя нашли по усердному желанию и прошению всех наших верных подданных духовного и мирского чина оногo герцога от регентства отрешить и по тому же прошению всех наших верных подданных оное правительство поручить нашей государыне-матери».⁷³ Те же обвинения Бирона в «опасных намерениях» содержались и в объявлении в «Ведомостях» от 14 ноября 1740 г.

Таким образом, первый в отечественной истории «классический» дворцовый переворот, совершенный группой солдат и офицеров под командой предприимчивого генерала, получил официальное обоснование. Из него следовало, что существующая власть может быть свергнута силой без сколько-нибудь серьезных доказательств ее вины и без всяких попыток воздействия на нее со стороны других законных учреждений. Обоснованием таких насильственных действий являлось еще только предполагаемое нарушение «благополучия» империи и состоявшееся «прошение всех наших верных подданных». Такое объяснение стало в дальнейшем непременным условием публичного оправдания каждой последующей «революции», но одновременно «снижало» сакральный характер царской власти и публично подчеркивало ее зависимость от тех сил, которые выступали в качестве выразителей общественного мнения.

Однако что могли означать «опасные намерения» свергнутого регента? Сомнительной представляется содержащаяся в сочинении Манштейна и депешах Шетарди версия о «превентивном» характере переворота, поскольку Бирон уже якобы собрался нанести удар первым и арестовать Миниха, Остермана, Головкина; она явно появилась позднее, уже для оправдания переворота: ни отец, ни сын Минихи не сочли возможным указывать на подобное обстоятельство в качестве причины ареста регента.

Не предпринимал Бирон никаких действий и для реализации своих намерений выслать родителей императора за границу, а самого Ивана Антоновича «с престола свергнуть, а его королевское величество, принца Голштинского, на оный возвесть». Скорее всего, подобные угрозы являлись всего лишь мерой «воспитательного» характера в отношении претендовавших на политическую роль родителей царя. К тому же Антон-Ульрих отказался от борьбы и примирился со своим положением настолько, что ни Миних, ни Анна даже не сочли нужным посвятить его в свои планы.

Трудно сказать, насколько серьезными были матримониальные планы курляндца.⁷⁴ По крайней мере, на следствии сам Бирон ничего не говорил о своих планах относительно Елизаветы и признал только, что собирался отдавать свою дочь за дармштадтского или саксен-мейнингенского герцога.⁷⁵ Однако в любом случае подобные планы были еще более опасными для их инициатора. Пойдя по стопам предыдущих временщиков в стремлении породниться с династией, Бирон резко вырвался из своей среды, такого успеха не прощавшей. Правящая элита не воспринимала в качестве владыки не только выскочку Меншикова, но даже безусловных Рюриковичей Долгоруковых. Вокруг такой фигуры образовывался вакуум патрональных, служебных и личных отношений, несмотря на внешнее преклонение.

Трудно почувствовать, в какой атмосфере созревали и осуществлялись удачные и неудачные заговоры (имеется в виду не двор с его интригами — эта сфера, надо полагать, едва ли принципиально изменилась с тех пор, — а отношение к происходившему солдат и офицеров, городских обывателей разного статуса и достатка, чиновников многочисленных учреждений). Прочие подданные, рассеянные на огромном пространстве империи, едва ли представляли себе, какие события происходили в столице.

Кратковременное правление Бирона-регента не оставило даже таких специфических источников отражения общественного мнения, как дела Тайной канцелярии. Правда, в мае 1741 г. крепостной Евтифеей Тимофеев все-таки попал в розыск из подмосковной деревни по поводу высказанного мнения о политических новостях: «У нас слышно, что есть указы о том: герцога в ссылку сослали, а государя в стену заклали», — но при этом решительно не мог пояснить, о каком герцоге идет речь.⁷⁶

«Шляхетство» представляло события лучше. Дело 1745 г. по доносу на капитана Измайловского полка Г.Палембаха показывает, что в новых полках гвардии у регента были сторонники.⁷⁷ Но вот в каком ряду событий описывается свержение Бирона в редком для первой половины столетия документе — дневнике отставного семеновского поручика А.Благово: «Воскресение морозец. Регента Бирона збросили. Крестьяня женились Ивонын внук. В 741 году в 34 побор Василей Марков в рекруты взят». Бесстрастно фиксирует дворцовый переворот «записная книга» столичного жителя — подштурмана И.М.Грязнова: «Ноября 8 вышеобъявленной регент Бирон в ночи взят под караул фелтмаршелем Минихом и сослан в ссылку».⁷⁸ Свидетель многих «революций» Н.Ю.Трубецкой в кратком повествовании о своей жизни не упоминал о падении Бирона даже тогда, когда сообщал о собственной «командировке» для описания имущества регента.

Свидетельства настолько скупы и бесстрастны, будто современники воспринимали «дворские бури» как далекие от их повседневных дел события — или даже наедине с собой не считали возможным дать более эмоциональную оценку. Во всяком случае, еще в начале XIX века престарелые очевидцы сообщали интересовавшимся о настроениях своей юности: «Отец мой видел Бирона и так боялся, что не любил говорить о нем даже тогда, когда его уже не было в России».⁷⁹

Что касается оценок настроений в обществе, даваемых иностранными дипломатами, то они, как уже говорилось, в немалой степени зависели

ли от позиции самих послов и складывавшихся у них в российской столице отношений, не говоря уже о кругозоре их информаторов (в донесениях Шетарди под «народом» очень часто подразумевался тот же придворный круг).

Одним из наиболее сочувствующих регенту лиц был английский посол Эдвард Финч: он рекомендовал своему правительству как можно скорее признать титул нового правителя и не раз указывал на его «доброе отношение» к интересам Англии. Он же подчеркивал, что всячески искал расположения Бирона и был им отмечен. Успехи Финча вызывали даже неодобрение дипломатического корпуса: его французский, шведский и прусский собратья не пользовались вниманием регента, а австрийского резидента он даже отказался принять.⁸⁰

В свете этих обстоятельств английский посол видел вокруг «общее успокоение» при объявлении регентства, ничего не сообщал (в отличие от коллег) о неблагоприятной для Бирона возможности создания регентского совета накануне смерти Анны Иоанновны и лишь мельком упоминал о начавшихся арестах. Финч был уверен, что новая власть установилась прочно, тем более что герцога «вообще любят, так как он оказывал добро множеству лиц, зло же от него видели очень немногие».⁸¹ Правление любимого подданными регента завершилось всего через три недели, и британский дипломат в некотором противоречии с предыдущими депешами невозмутимо доложил: «Переворот произошел со спокойствием, которому возможно приравнять разве общую радость, им вызванную». В дальнейшем судьба опального его не интересовала — возможно, потому, что падение герцога никак не отразилось на процессе подготовки и заключения союзного договора с Россией в апреле 1741 г.

Зато не симпатизировавшие новому правителю дипломаты сразу стали прогнозировать беспорядки; их донесения сообщали о «брожении среди народа» (под которым понималась прежде всего гвардия), недовольстве офицеров и направленных против них репрессиях. При этом назывались фамилии лиц, по-видимому, не замеченных ведомством А.И.Ушакова и по сохранившимся документам Тайной канцелярии не проходивших. «Опальный» австрийский резидент Гогенгольц, по словам Шетарди, открыто заявлял, что завещание Анны есть подлог Бирона, но «зло не непоправимо».⁸² Вполне вероятно, что на подобные оценки повлияла поддержка — по инициативе герцога — территориальных претензий Августа III Саксонского к Австрии.⁸³

При сравнении сообщений дипломатов Франции, Швеции и Пруссии осенью 1740 г. критическая информация в адрес регента явно преобладает по сравнению с оптимистическими реляциями Финча, но насколько она отражает действительные настроения столичного общества той поры? Предсказываемый переворот, по-видимому, явился достаточно неожиданным: Шетарди, например, приписал его успех прежде всего руководству Остермана. При описании события дипломатов интересовали главным образом «технология» и действия ключевых фигур заговора, а не реакция окружающих. Однако Шетарди счел нужным отметить поведение гвардии: «Как в тот момент, когда герцог Курляндский был про-

возглашен регентом, они выразили своим молчанием и сдержанностью чувство уныния и скорбного удивления, так теперь они изъявили свою радость и удовольствие несмолкаемым криком и непрерывным подбрасыванием шапок на воздух».⁸⁴

Из всех отечественных источников только мемуары князя Я.П.Шаховского оставили нам картину «смятения» чиновной публики сразу после переворота, удачно дополнявшую деловой «рапорт» Манштейна. Только что при поддержке Бирона он стал действительным статским советником, «главным по полиции» — и через несколько дней был поражен неожиданным известием. Шаховской поспешил во дворец, «следовал за другими, спешно меня обегоавшими. Но большею частью гвардии офицеры с унтер-офицерами и солдатами, толпами смешиваясь, смело в веселых видах и не уступая никому места ходили, почему я вообразить мог, что сии-то были производители оногo дела».

Известие о состоявшемся перевороте «поразило мысль мою, и я сам себе сказал: “Вот теперь регентова ко мне отменно пред прочими милостивая склонность сделает мне, похоже, как и после Волынского, толчок; но чтоб только не худшим окончилось. Всевидящий, защити меня!” В том размышлении дошел я близ дверей церковных; тут уже от тесноты продраяться в церковь скоро не мог и увидел многих моих знакомых, в разных масках являющихся. Одни носят листы бумаги и кричат: “Извольте, истинные дети отечества, в верности нашей всемилостивейшей Правительнице подписываться и идти в церковь в том Евангелие и крест целовать”, другие, протеснясь к тем по два и по три человека, каждый только спешит, жадно спрашивая один другого, как и что писать, и, вырывая один у другого чернильницу и перья, подписывались и теснились войти в церковь присягать и поклониться стоящей там Правительнице».

В этой картине, врезавшейся в память тогда молодого человека, бросаются в глаза прежде всего лихорадочная суета больших и малых чинов, их желание поскорей «отметиться», а также отсутствие надежных опор и связей в обществе, где мгновенно можно превратиться в отверженного: «Некоторые из тех господ, кои в том деле послужить усчастливились, весьма презорные взгляды мне оказали, а другие с язвительными усмешками спрашивали, каков я в своем здоровье и все ль благополучен. Некоторые ж из наших площадных звонарей неподалеку за спиною моею рассказывали о моем у регента случае и что я был его любимец. С такими-то глазам и ушам моим поражениями, не имея ни от Правительницы, ниже от ее министров, уже во многие вновь доверенности вступивших, никаких приветствий, ниже по моей должности каких повелений, с прискорбными воображениями почти весь день таскавшись во дворце между людьми, поехал в дом свой в смятении моего духа».⁸⁵

Сообщения Финча и Шетарди и рассказ Шаховского передают еще одну характерную черту события: уверенное поведение солдат и офицеров гвардейских полков на фоне всеобщей растерянности. Выше уже высказывалось сомнение в исключительно патриотическом характере оппозиции регенту, тем более что «иноземство» поверженного правителя не ставилось ему в вину в официальных сообщениях о перевороте, и Ломо-

носов в оде на день рождения императора Ивана Антоновича осуждал бывшего правителя только за непомерное честолюбие:

*«Проклята гордость, злоба, дерзость
В чудовище одно срослись;
Высоко имя скрыла мерзость,
Слепой талант пустил взнестись!
Велит себя в неволю славить,
Престол себе над звезды ставить,
Превысить хочет вышнюю власть»...*⁸⁶

Традиционно используемый круг источников не дает оснований уверенно говорить о сопротивлении правлению Бирона в служилой столичной среде. Но ясно и то, что расколота на враждующие «партии», она не могла составить сколько-нибудь надежной опоры правителю. С другой стороны, отчетливо проявилось недовольство гвардии, тем более что права и привилегии «старых» полков уже были затронуты образованием новых частей и слухами о дальнейших реформах.

К 1740 г. гвардия уже осознала себя правящей силой, какой она в самом деле являлась — в качестве «школы кадров» петровской и послепетровской армии и администрации. Правда, гвардейцы образца 1740 г. не пытались составлять политические «проекты» и едва ли о таковых помышляли. Зато, как только на время ослаб контроль над полками, гвардейские солдаты уже жаловались на бездействие офицерам; капитаны и поручики почти открыто искали себе предводителя, чтобы силой «исправить» завещание скончавшейся императрицы. Но чего стоили глава Кабинета князь Черкасский, доносивший на доверившихся ему офицеров, или боевой генерал и отец императора Антон-Ульрих, отказавшийся от встречи с офицерами своего полка, а затем и от своего мундира? На этом фоне честолюбивый и решительный Миних уже казался настоящим вождем.

Как только лидер нашелся, произошел дворцовый переворот в сугубо гвардейском исполнении. В 1727 г. император сместил руководителя вооруженных сил и своего нареченного тестя — но всего лишь обычного подданного. В 1730 г. столь же законная императрица вернула себе по просьбе подданных самодержавную власть, утраченную в ходе государственного переворота. В 1740 г. глава армии сверг законного регента уже без какой-либо формальной санкции верховной власти: благословение матери императора оставалось просьбой частного лица, не подкрепленной ни официальным документом, ни присягой. Но пока еще власть как бы возвращалась более «законным» — с точки зрения гвардии — ее носителям в лице родителей императора.

Операция прошла успешно, хотя и с определенным риском — в «стиле» Миниха, который, по словам хорошо его знавшего Манштейна, любил, «чтобы все его предприятия совершались с некоторым блеском». Расчеты регента — если таковые имелись — на «нейтрализацию» гвардии силами армейских частей не оправдались. И в 1740 г., и позднее полки столичного гарнизона не обнаруживали желаний вмешаться в происходившие вокруг дворца события и вообще были мало боеспособны. Их офицеры и солдаты ежедневно командировались на различные работы: шить мундиры и сапо-

ги, «бить сваи» на строительстве, исполнять различные поручения в «главной артиллерии», на пороховых заводах, в провиантской и фортификационной канцеляриях и т.д., вплоть до уборки петербургских улиц.⁸⁷ Армейцы узнали о совершившемся перевороте только на следующий день, когда Миних (вечером 9 ноября) велел объявить о произошедших событиях собравшимся утром «при своих квартирах» полкам.⁸⁸

Но легкость, с которой был совершен переворот, имела и обратную сторону. Измена только что принесенной присяге доставила нарушителям славу, материальные выгоды и чувство хозяев положения, перед которыми заискивал фельдмаршал: «Кого хотите государем, тот и быть может».⁸⁹ У Миниха и тех, кто за ним стоял, должно было хватить умения и авторитета, чтобы сохранить контроль над силой, которая так легко привела их на самую вершину власти.

Судьба «великого визиря»

К утру 9 ноября 1740 г. столица империи была извещена об очередном дворцовом перевороте, которые иные из авторов называют первым «военным переворотом» в истории России. Однако «силовой» антураж события все же не дает оснований для такой квалификации.

Бескровный гвардейский «штурм» Летнего дворца не означал утверждения у власти какой-то особой «военной» группировки, отстранившей «штатское» правительство. В России XVIII столетия, да и в более поздние времена армия не была особой, отдельной корпорацией, так или иначе противопоставившей себя гражданскому обществу с его политической борьбой. Скорее наоборот: в ходе петровских реформ «регулярные» армейские порядки служили образцом для переустройства всех прочих сфер общественной жизни. Поголовная и бессрочная служба дворян вместе с массовыми наборами рекрутов из остальных сословий способствовали созданию такой системы власти, в которой военный элемент был неотделим от гражданского.

Поэтому неудивительно, что неотлаженность этой системы и ее внутренние противоречия преодолевались в послепетровское время сугубо силовыми методами. Руководители придворных «факций» сами обладали — и порой отнюдь не номинально — военными чинами (как «рейхсмаршал» Меншиков или члены клана Долгоруковых), а их «партиями» служили действительные или отставные офицеры. В этом смысле ноябрьский переворот 1740 г. не внес ничего нового. Пожалуй, только сама фигура правителя (придворного, не имевшего за плечами военной карьеры и круга сослуживцев) была дополнительным раздражителем для гвардии, облегчавшим его исчезновение с политической арены.

Однако в самой верхушке никаких принципиальных изменений, за исключением устранения ближайших помощников свергнутого Бирона, не произошло. Новой правительнице присягали и приносили поздравления те же самые лица, которые три недели назад приветствовали регента, во главе с Минихом, Остерманом и Черкасским.

Миних-младший оставил подробный рассказ, как проходила очередная дележка милостей и чинов, в результате чего Миних согласился на титул «пер-

вого министра»; Остерман стал генерал-адмиралом, а «природный россиянин» Черкасский — канцлером. На место арестованного Бестужева назначили близкого правительнице М.Г.Головкина в звании вице-канцлера. Р.Левенвольде и брат Миниха получили «знатную сумму» для оплаты долгов, фельдмаршал князь И.Ю.Трубецкой и генерал-кригс-комиссар С.В.Лопухин — прощение долгов и взысканий, младший Миних — должность обер-гофмейстера с чином генерал-лейтенанта и пенсией. А.И.Ушаков сохранил свою должность и вместе с адмиралом Н.Ф.Головиным и А.Б.Куракиным стал кавалером Андреевского ордена. Орден Александра Невского пожаловали барону Менгдену и зятю Остермана камергеру В.Стрешневу.⁹⁰ Последовали и другие награждения,⁹¹ которые так и продолжались на протяжении всего короткого правления Анны Леопольдовны.

10 ноября 1740 г. младенец Иван III «принял» звание полковника всех четырех гвардейских полков. Муж правительницы был объявлен четвертым в истории России генералиссимусом — не без оскорбительной выходки со стороны Миниха, публично заявившего, что «отрекается» в пользу принца от по праву принадлежащего ему звания. Антон-Ульрих стал также подполковником Конной гвардии (вместо Петра Бирона), сохранив по просьбе офицеров шефство и над «своим» Семеновским полком.⁹²

12–13 ноября получили награды все, кто своими «ревностными поступками» обеспечил успех ночного похода на Летний дворец. Офицеры отряда Миниха — капитан И.Орлов, капитан-поручик А.Татищев, поручики И.Чирков (эти двое командовали караулами соответственно в Летнем и Зимнем дворцах), П.Юшков и А.Лазарев, подпоручик Е.Озеров, прапорщики Т.Трусов, Г.Мячков, П.Воейков и М.Обрютин — получили следующие чины и щедрые денежные награды; унтер-офицеры и сержанты А.Толмачев, А.Яблонский, Г.Дубенский, И.Ханыков, Я.Шамшев — обер-офицерские звания; рядовые стали унтерами и сержантами. Кроме того, 52 гренадерам вручили по 6 рублей наградных, а 177 мушкетерам — по 5 рублей, что составляло, по штату 1731 г., треть годового жалованья солдат.⁹³

Большое число награжденных объясняется тем, что фельдмаршал решил оплатить нарушение присяги всем — и арестовывавшим Бирона, и бездействовавшим в эту ночь караульным. Количество желавших попасть в наградные списки явно превысило численность реального караула в памятную ноябрьскую ночь; приказ по полку от 18 ноября требовал от офицеров, «чтоб оные ведомости были поданы справедливые» и включали только тех, кто действительно был на посту.⁹⁴

Одновременно были восстановлены на службе и повышены в чине «за арест» семеновцы М.Сабуров, Д.Мерлин, С.Левашов, А.Булгаков и преобразенцы И.Протопопов, Н.Голицын, А.Лосев, П.Головин, В.Измайлов. Они, очевидно, были уволены при регенте, но не попали в застенки — их имена не проходят по делам Тайной канцелярии.⁹⁵ Побывавшие же «в катских руках» (А.Яковлев, П.Ханыков, М.Аргаматов, И.Путятин, И.Алфимов и др.) именным указом были реабилитированы и прошли специальную церемонию «возвращения чести».⁹⁶

Некоторым из них открылась карьера: П.Грамотин стал директором канцелярии Антона-Ульриха в ранге подполковника, а А.Вельяминов-

Зернов — генерал-адъютантом принца. А.Яковлев получил чин действительного статского советника, М.Семенов стал ассессором в Коллегии иностранных дел, Х.-Г.Манштейн — полковником расквартированного в столице Астраханского полка; капитаны В.Чичерин и Н.Соковнин пожалованы в секунд-майоры Семеновского полка.⁹⁷ Засидевшийся в поручиках П.Ханыков сумел наконец получить «через чин» звание капитана. Недавно прибывший в Россию паж герцога Брауншвейгского Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен теперь благодарил Антона-Ульриха за производство в лейтенанты состоявшего под командой принца Кирасирского полка.⁹⁸

Начался дележ имущества поверженного регента. Уже 11 ноября 1740 г. вчерашний подследственный капитан В.Чичерин и ассессор Тайной канцелярии Н.Хрущов получили указание составить опись конфискованного имущества Бирона, а на следующий день Манштейн изъял его бумаги.⁹⁹ В тот же день Кабинет послал указ лифляндскому генерал-губернатору П.П.Ласси об охране 120 «амптов и мыз» Бирона с ежегодным доходом в 78720 талеров.¹⁰⁰ «Дело» герцога включает огромный список его гардероба и домашней утвари (в «бывшем доме бывшего Бирона» зубочистки и даже ночной горшок были из чистого золота), теперь интенсивно раздававшихся; но даже в 1759 г. еще сохранялись не розданные «бириновские пожитки», которыми интересовались придворные Елизаветы.

Анна проявила внимание к конфискованным драгоценностям семьи Бирона.¹⁰¹ Герцог Антон отказался от конюшни регента, переданной поэтому для продажи всем желающим;¹⁰² внесенные в опись имена герцогских кобылиц — Нерона, Нептуна, Лилия, Эперна, Сперанция, Аморета — как будто подтверждают ходившее мнение о том, что к лошадям Бирон относился с большим расположением, чем к людям. Фельдмаршал Миних за «отечеству ревностные и знатные службы» получил 100 тысяч рублей, дом арестованного Бисмарка (дом Густава Бирона был отдан Миниху-младшему) и серебряный сервиз весом в 21 пуд.¹⁰³

Бывшему регенту пришлось провести в заключении три месяца, прежде чем его начали допрашивать. Но приговор был уже предreshен: 30 декабря на заседании Кабинета Бирона лишили даже имени (арестанта отныне было велено именовать Бирингом) и постановили сослать в Сибирь. В январе 1741 г. специальная команда подпоручика Жана Скотта отправилась строить в Пельме дом для ссыльного; в деле Бирона сохранился даже его чертеж, заботливо сделанный бывшим военным инженером Минихом.¹⁰⁴ Принц Антон признавался, что Бирон не такой уж страшный преступник, но простить его нельзя: это будет означать «порицание правительницы»; к тому же все равно герцог уже лишен герцогства, а имущество его конфисковано.¹⁰⁵

Главное обвинение, предъявленное «бывшему герцогу», звучало риторически: «Почему власть у его императорского величества вами была отнята и вы сами себя обладателем России учинили?»¹⁰⁶ На него же была возложена ответственность и за болезнь Анны Иоанновны, и за подготовку ее «завещания», и за указы в адрес родителей императора «с великим сердцем, криком и злостью», и за брань в адрес «коронованных глав»

и самого римского папы и даже за ... безбожие. Следователи во главе с генералом Г.П.Чернышевым приписали Бирону и желание «самому овладеть престолом», что якобы доказывалось его стремлением выдать дочь замуж за одного из немецких принцев.¹⁰⁷

Бирон в первое время заключения пал духом, но к началу допросов в феврале 1741 г. оправился и отвечал на вопросы с достоинством, хотя это и было непросто. Ему пришлось опровергать обвинения в преступно небрежном отношении к здоровью Анны Иоанновны и подробно рассказывать, как ему приходилось отговаривать ее от верховой езды или «ее величеству докучать, чтобы она клистир себе ставить допустила, к чему ее склонить едва было возможно».

Столь же твердо он объяснял, что избрание в регенты состоялось усилиями советников Анны, а он лишь в конце концов дал свое согласие. Свергнутый временщик заявил, что не имел никаких «шпионов» при дворе, за исключением сына Миниха; настаивал на том, что напрасно никого не арестовывал и «до казенного ни в чем не касался». В ответ на обвинение в «обидях» и «разорениях» он попросил представить обиженных его «несытством», чего комиссия сделать не смогла. Свои переговоры с послами Бирон уверенно объяснял заботой «о российской славе».¹⁰⁸

«Обличительными» фактами для следователей послужили прежде всего заявления темпераментного герцога в отношении своих противников. Бирон признал высказанные им угрозы в адрес гвардии, обещание вызвать из Голштинии маленького внука Петра I, брань в адрес принца Антона; не смог он опровергнуть и тот факт, что дата на «Завещании» Анны поставлена задним числом.¹⁰⁹ Поскольку герцога обвиняли по статьям 2-й главы Соборного Уложения 1649 г. (умысел на «государское здоровье» и попытка «Московским государством завладеть») и петровского «Военного артикула», то ему была обеспечена смертная казнь. Правительница еще в январе прямо «понуждала» к «скорейшему окончанию дела» судей, в числе которых находились подвергавшиеся аресту по распоряжению Бирона майор гвардии Н.Соковнин и секретарь А.Яковлев.¹¹⁰

В материалах следствия есть пробелы (во всяком случае, вопросы к герцогу и ответы на них приведены не полностью), в «экстракте» упомянуты разные даты подписания «Завещания» — 16 и 17 октября 1740 г. Судьи не стали углубляться в дело даже тогда, когда А.П.Бестужев-Рюмин на очной ставке отказался от части своих показаний против регента. Зато следователи сумели собрать богатый «компромат» на Миниха, чему в немалой степени способствовал сам Бирон; но в итоге его же обвинили в «потакании» и «дружестве» фельдмаршалу.

Объявились имущественные претензии к вчерашнему всеильному временщику. В.К.Третьяковский жаловался на невыдачу ему возмещения за публичные оскорбления со стороны казенного А.П.Вольнского. За побои «изнурившемся на лечение» придворному поэту пожаловали 720 рублей — вдвое больше его годовой зарплаты. Иск к Бирону предъявили и Академия наук за взятые герцогом бесплатно книги, и отдельно академик Крафт, требовавший платы за обучение детей регента математике. Герцог, как настоящий вельможа, расплачиваться не спешил: в его следственном

деле сохранился список долгов башмачнику, парикмахеру, портному, часовщику, столярам, придворному гайдуку, «турке» Исмаилу Исакову и даже 1099 рублей долга собственному камердинеру Фабиану.¹¹¹

Вместо Я.П.Шаховского генерал-полицеймейстером был назначен петербургский вице-губернатор Ф.В.Наумов. Генерал-прокурора Н.Ю.Трубецкого отправили на несколько месяцев в Ригу описывать тамошние владения регента. Однако репрессий в адрес «выдвиженцев» регента не последовало: Шаховской остался на службе в полиции, а Трубецкой в мае 1741 г. вернулся к исполнению своих обязанностей генерал-прокурора. Но на первое место в государстве выдвинулся Миних.

Будучи способным военным инженером и средней руки полководцем, фельдмаршал совершенно не обладал качествами, необходимыми не только первому министру, но и вообще государственному деятелю. Солдафонская прямолинейность и честолюбие в сочетании с полнейшей бесперспективностью отличали его даже на фоне не слишком щепетильных в этом смысле персон той поры. Оправившись от свалившей его на время болезни (сам он был уверен, что его отравили), новый правитель перебрался в дом Бирона и развернул активную деятельность.

Сосредоточив в своих руках руководство армией (в качестве подполковника первого гвардейского полка, президента Военной коллегии, командующего полками ландмилиции, директора Кадетского корпуса, начальника Инженерного корпуса), Миних потребовал себе форменный «патент» на звание «первого министра», добился назначения в «свою» коллегию вице-президента, а себе — переводчиков для работы с иностранной корреспонденцией. Распорядился он и об указе о «нетребовании» с себя никаких отчетов по расходам на строительство Ладожского канала. Штат нового министра состоял из 30 человек: адъютантов, денщиков, секретарей, канцеляристов и прочих служителей. Своих адъютантов Миних пожаловал новыми чинами; родственники — Менгдены — и Манштейн получили за услуги земельные владения. Другую свою «креатуру», полковника Андрея Фенина, первый министр приставил к Анне Леопольдовне в должности рекетмейстера.¹¹² Саму принцессу он держал под неусыпным до неприличия контролем: «Не только непрерывно являлся к правительнице и ни на минуту не оставлял ее одну, но даже статс-дамам не позволялся вход в покой, где находилась правительница», — отмечал Шетарди.

К лицам, вызвавшим его неудовольствие, министр был беспощаден. В бумагах Бирона обнаружили давнишние доносы генерал-майора Г.Иксуля, подозревавшего, что Миних при осаде в 1733 г. Гданьска намерено дал уйти из города несостоявшемуся польскому королю Станиславу Лещинскому. Узнав об этом, разгневанный фельдмаршал немедленно принес формальную жалобу (с точным переводом оскорбительных для его чести писем) и распорядился об аресте Иксуля и предании его военному суду, в состав которого сам подбирал судей.¹¹³

Не получив желанного звания генералиссимуса, Миних надумал стать герцогом Украины; только почтительные уговоры сына заставили его отказаться от этого намерения. Рассказавший об этом эпизоде Манштейн (в принципе, вполне лояльный по отношению к своему командиру) не

скрывал того, что Миних просто не умел сдерживать своего желания властвовать. Он игнорировал принятые нормы письменного обращения к высшему по рангу генералиссимусу Антону-Ульриху и не сообщал тому никаких важных дел, помимо формальных запросов по чиновничьему производству, несмотря на прямые приказания Анны Леопольдовны.¹¹⁴

Фельдмаршал вторгся и в сферу Остермана, руководимую им уже 15 лет; его подпись появляется на бумагах Кабинета, отправляемых в Коллегию иностранных дел, — например, о замещении вакансий дипломатического персонала. В письме в Париж к Антиоху Кантемиру Миних подчеркивал, что именно по его распоряжению русский посол получил «подарок» в 20 тысяч рублей. Осыпанный почестями, обласканный вниманием коронованных особ Миних быстро потерял чувство реальности. По сообщению Шетарди, фельдмаршал настолько бесцеремонно вел себя с правительницей, что она откровенно боялась своего «спасителя». Анна жаловалась саксонцу Линару, что Миних не исполняет ее собственных приказаний, «а вместо того делает распоряжения противные».

Уже в конце ноября 1740 г. Шетарди отметил, что под Миниха подкапываются Остерман и генерал-фельдцейхмейстер принц Л. Гессен-Гомбургский. В январе 1741 г. саксонский посол докладывал об объединенных усилиях всех «важнейших особ» придворного круга (Остермана, Головкина, Левенвольде) в борьбе с влиянием первого министра.¹¹⁵ В феврале английский посол Финч уже писал о «заговоре» против Миниха во главе с его основным противником Остерманом.

Растущая изоляция Миниха в правительстве привела к неожиданным для фельдмаршала последствиям. Не успел он получить патент на звание первого министра, как уже 28 января 1741 г. вышел именной указ Кабинету, создававший новую конфигурацию верховной власти. Согласно этому документу, дела Кабинета впервые распределялись «по департаментам»: «первому министру» Миниху отводилось руководство лишь его же военным ведомством, да и по этим делам он должен был «рапортовать» Антону-Ульриху; генерал-адмирал Остерман сохранял контроль над внешнеполитической сферой, а канцлеру Черкасскому и вице-канцлеру М. Г. Головкину оставались «внутренние дела по Сенату и Синоду и о государственных по Камер-коллегии сборах и других доходах». Отныне уполномоченные главы «департаментов» имели право самостоятельно рассматривать относящиеся к их компетенции дела и представлять проекты решений по ним в «общее собрание» Кабинета за своей подписью. Этот же указ предполагал назначение «известных дней» для «общего рассуждения» министров.¹¹⁶

Решительно урезавший полномочия первого министра указ как будто бы имел и более серьезную цель: кажется, впервые после 1730 г. в нем прозвучало забытое стремление отойти от обычая, при котором «персоны управляют законом», к несколько более строгому порядку принятия важнейших решений. Прерогативы самодержца не подвергались умалению, но предполагалось известное разделение полномочий министров и их индивидуальная ответственность за предлагаемые решения; намечалось разграничение полномочий Кабинета и других учреждений: дела,

«не касающиеся» и «ненадлежащие» до верховной власти, предписывались «отрешить» и решать их в соответствующих ведомствах.

Можно предполагать, что инициатором принятия столь важного акта стал опытный администратор — Остерман, который в данном случае отчасти предвосхитил план создания императорского совета Н. И. Панина в 1762 г. Однако Остерман ни в коей мере не обладал «бойцовскими» качествами, и наметившаяся тенденция не получила развития в короткое правление Ивана Антоновича. Главные действовавшие при дворе лица восприняли ее прежде всего как обычную интригу против зарвавшегося «верховного визиря», как это понял Антон-Ульрих.¹¹⁷

Муж правительницы попытался действовать самостоятельно и распорядился двинуть несколько полков по направлению к Риге. Согласно мемуарам фельдмаршала, это событие и вызвало его просьбу об отставке, которой предшествовали упреки со стороны Анны Леопольдовны: «Вы всегда за короля Пруссии». «С этого дня, — вспоминал Миних, — великая княгиня стала оказывать мне дурной прием, и так как я не мог помешать тому, чтобы двинуть войска в сторону Риги, то попросил отставку, которая была мне дана сначала немилостиво».¹¹⁸

В мемуарах фельдмаршал выставлял себя «старым солдатом», принципиально несогласным с опасными планами австрийской дипломатии и идущей у нее на поводу правительницы. Тем интереснее сочинение Миниха-сына, передававшее его разговоры с австрийским послом: он объяснял маркизу Ботта все невыгоды отставки отца, который «внутренно никогда не отдален был австрийскому дому способствовать, ... немного стоило бы труда преклонить его на то, ибо он коль скоро однажды даст свое слово, то всегда оное сдержать старается; но что касается до графа Остермана, у него обещать и сдержать две вещи различные».¹¹⁹

Запоздалый торг и упреки были не в состоянии изменить положение бывшего первого министра; но в главном младший Миних оказался прав. С устранением первого министра внешнеполитический курс страны принципиально не изменился: для Остермана первостепенное значение имел не столько конфликт в Центральной Европе, сколько неуклонно ухудшавшиеся отношения со Швецией.

Анна и стоявшие за ее спиной советники решились на увольнение Миниха, хотя явно опасались предприимчивого фельдмаршала. Не случайно «оглашение» об отставке зачитывалось в столице под барабанный бой — так общено объявлялось об очередной опале и ссылке (за это сенаторам пришлось перед Минихом извиняться).¹²⁰ Третьего марта 1741 г. во все гвардейские полки был послан приказ, как и в 1727 г. в отношении Меншикова: отныне «исполнения не чинить» любым исходящим от Миниха распоряжениям; причем в его собственном Преображенском полку все ротные командиры представили письменные рапорты о доведении этого приказа до своих солдат.¹²¹ Опальный министр потерял реальную власть (т.е. командование гвардией) столь же легко, как и Меншиков; в самой гвардии эта акция также никаких волнений не вызвала.

Несколько месяцев спустя на допросах арестованных в ходе нового переворота семеновский майор Василий Чичерин показывал о получе-

нии им приказа Анны Леопольдовны: подобрать 10 человек переодетых гренадеров, поставить их наблюдать за домом Миниха и, как только отставной министр «поедет со двора своего инкогнито не в своем платье, то б его поймать и привести во дворец». Слежка продолжалась до тех пор, пока Миних не переехал от опасной близости с дворцом на Васильевский остров.¹²²

Трудно сказать, была ли отставка демонстративным жестом обиженного министра или рассчитанным шагом оказавшегося в изоляции политика. Однако человека, впервые осуществившего захват верховной власти военным путем, «ушли» вполне по-европейски: получив приказ об отставке, бывший первый министр просил о сохранении (и сохранил) — своей движимой и недвижимой собственности, в том числе «маетностей» и фабрик на Украине; его сын остался обер-гофмейстером. Фельдмаршал получил ежегодную пенсию в 15 тысяч рублей,¹²³ бывал при дворе и даже не потерял окончательно расположения правительницы, несмотря на все опасения, вызываемые его неумным честолюбием.

Чем был обусловлен этот первый и единственный в истории России до эпохи Екатерины II случай «цивилизованного» разрешения политического конфликта в «верхах»? Скорее всего — особенностями сложившейся ситуации: неуверенностью самой правительницы и отсутствием единства в ее окружении. Таким образом, очередная «переворотная» ситуация разрядилась относительно спокойно; но отставка Миниха несколько не устранила источников противоречий и напряженных отношений в правительстве.

«Анна Вторая»

В ноябре 1740 г. регентшей стала «благоверная государыня великая княгиня Анна, правительница всея России». Суждения о правительнице Фридриха II и Миниха не слишком благосклонны, что неудивительно, поскольку особой благодарности они к ней испытывать не могли. Еще более резким выглядит приговор С.М.Соловьева: «Не одеваясь, не причесываясь, повязав голову платком, сидеть бы ей только во внутренних покоях с неразлучною фавориткою, фрейлиною Менгден». Этот образ в дальнейшем стал традиционным для характеристики правления Анны.¹²⁴

Однако свидетельства неплохо знакомых с Анной и не имевших к ней политических претензий лиц представляют правительницу намного более симпатичной: «Поступки ее были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нея несноснее, как толь необходимое при дворе притворство и принуждение, почему и произошло, что люди, приобывшие в прошлое правление к грубейшим ласкательствам, несправедливо почитали ее надменною и якобы всех презирающею. Под видом внешней холодности была она внутренне снисходительна...

Приятнейшие часы для нее были те, когда она в уединении и в избраннейшей малочисленной беседе проводила, и тут бывала она сколько вольна в обхождении, сколько и весела в обращении. Дела слушать и решить не скучала она ни в какое время, и дабы бедные люди способнее

могли о нуждах своих ей представлять, назначен был один день в неделю, в который дозволялось каждому прошение свое подавать во дворце кабинетскому секретарю. Она знала ценить истинные достоинства и за оказанные заслуги награждала богато и доброхотно... Многих основательных требовалось доводов, пока она поверит какому-либо впрочем и несомненному обвинению. Для снискания ее благоволения нужна была больше откровенность, нежели другие совершенства. В законе своем была она усердна, но от всякого суеверия изъята. Обращение ее было большею частью с иностранными, так что некоторые из чужестранных министров каждодневно в приватные ее беседы приглашались ко двору... До чтения книг была она великая охотница, много читала на обоих упомянутых языках [немецком и французском. — *И.К.*] и отменный вкус имела к драматическому стихотворству. Она мне часто говаривала, что нет для нее ничего приятнее, как те места, где описывается несчастная и пленная принцесса, говорящая с благородной гордостью», — это описание принцессы дал ее обер-гофмейстер Эрнст Миних, сын фельдмаршала.¹²⁵

«Сострадательное и милосердное сердце правительницы устремилось к облегчению участи несчастных, пострадавших под грозным деспотизмом Бирона как в регентство его, так и в государственование Анны Иоанновны. Каждый день просматривала она дела о важнейших ссыльных, предоставив Сенату облегчить судьбу прочих... Такое прекрасное вступление в правление, доказывая превосходство сердца правительницы, долженствовало бы предвещать благополучную участь самой великой княгини. Но в книге судеб предначертан был ей жребий самый злополучный», — так охарактеризовал Анну неизвестный автор примечаний к запискам Манштейна.¹²⁶

По мнению самого Манштейна, «Россия никогда не управлялась с большей кротостью, как в течение года правления великой княгини. Она любила оказывать милости, и была, по-видимому, врагом всякой строгости. Она была бы счастлива, если бы домашнее ее поведение было так же хорошо, как в обществе, и если бы она слушалась советов умных людей, не привязываясь так к своей любимице».¹²⁷

Нетрудно убедиться: и отрицательные, и положительные характеристики принцессы сходятся в том, что Анна Леопольдовна как-то не вполне вписывалась в окружавший ее придворный мир с его этикетом, интригами, развлечениями. Она умела при случае проявить характер; пренебрежение условностями светской жизни и стремление замкнуться в кругу близких людей составило ей репутацию «дикой» и «надменной» принцессы. «Великая охотница» до книг и «драматического стихотворства» должна была выглядеть белой вороной среди дам 30-х гг. XVIII в.: в этом кругу чтение стало модным несколько десятилетий спустя.

Эти особенности личности Анны отразились и на ее портретах. С полотно придворного живописца Л.Каравакка гордо и чуть-чуть брезгливо смотрит холодная красавица в роскошном серо-голубом платье с андреевской звездой. На портрете И.Я.Вишнякова Анна совсем другая: в черном кресле сидит женщина в оранжевом платье с белой косынкой на плечах и повязкой на голове. Правительница позирует живописцу одетой по-домашнему, без всяких официальных атрибутов; выглядит явно уста-

ло и старше своих 22 лет. И во взгляде, и в позе Анны ощущается какая-то напряженность; кажется, что ей неуютно и беспокойно.

Анне было присуще милосердие — не самое типичное качество для придворных нравов той эпохи. Свидетельства мемуаристов о пересмотре приговоров предшествовавшего царствования подтверждаются документально. Девятого декабря 1740 г. правительница потребовала к себе дело Волынского, а 29 декабря Тайной канцелярии было предписано подать «экстракты» обо всех ссыльных в годы правления Анны Иоанновны.¹²⁸ В январе следующего года туда же поступило разъяснение, что дела и «по первым двум пунктам» подлежали пересмотру, а осужденные — снисхождению.¹²⁹ Такой милости по отношению к государственным преступникам практика тогдашней российской юстиции не знала.

В последующие месяцы Тайная канцелярия бесперебойно подавала требуемые экстракты, а с мест приходили запрошенные сведения, из которых следовало, что в Оренбурге имелось 108 ссыльных, в Архангельске — 29, на заводах — 49 человек и в Иркутске — 331.¹³⁰ Высочайшие резолюции по ним нередко отменяли или существенно смягчали наказание. Одними из первых освобожденных ссыльных стали сын и дочь казненного А.П.Волынского, возвратился из Сибири «консультант» князь Д.М.Голицына Генрих Фик, вернулись уцелевшие после репрессий Голицыны и Долгоруковы; всего же были освобождены 69 человек, проходивших по процессам 30-х гг.¹³¹ В Тайную канцелярию попадали и в это время, но всего за год было сослано только 40 человек «подлого звания».¹³² Интенсивность ее работы в 1741 г. заметно снизилась, и по столице ходили слухи о предстоявшей ликвидации этого заведения.

Указы Анны и ее резолюции на делах, поступивших к правительнице через Сенат и другие учреждения, показывают, что она правила на редкость милостиво. Правительница разрешила подданным строить каменные здания по всей империи (после знаменитых петровских запретов) и отменила с них взыскание недоимок в размере 142963 рублей 5 1/2 копеек; подлежавшим смертной казни за совершенные преступления «инородцам» даровала впредь амнистию при условии крещения.¹³³

Правительница продолжила традицию земельных и денежных раздач. Больше всех (1 тысяча душ) получила вдова Ивана Долгорукова. Награды нашли и участников неудавшегося заговора против Бирона в октябре 1740 г. — Л.Пустошкина, И.Алфимова, И.Мячкова; капитан П.Ханыков стал, наконец, помещиком «средней руки» — обладателем 284 душ из владений «бывшего Меншикова» в Пошехонском уезде.¹³⁴

В январе 1741 г. правительница подтвердила важный для дворянства указ 1736 г. об отставке после 25-летней выслуги, исполнение которого «генерально остановилось», и охотно предоставляла отпуска и даже увольнения от службы. В числе прочих отставных был отпущен с майорским чином несчастный шут Анны Иоанновны — князь М.В.Голицын-Квасник. Сохранившиеся протоколы Сената упоминают множество именных указов правительницы; до самого конца правления Анны такие «милостивые» распоряжения (иногда даже по несколько в день) жаловали чины, освобождали от штрафов и «начетов», объявляли помилование.¹³⁵

Порой к правительнице «прорывались» челобитные с самого «низа» — например, прошение прихожан Гавриловской слободы Суздальского уезда или слезная просьба «лакейской жены» Авдотьи Карповой — в ответ на нее принцесса велела московскому главнокомандующему С.А.Салтыкову выдать просительнице 200 рублей.¹³⁶ Через близкую к ней жену вице-канцлера М.Г.Головкина Анна жаловала деньги монастырям. Была исполнена и просьба служившего при Кунсткамере «монстра» Петра Воробьева о выдаче ему — о чем еще мог мечтать состоящий на российской имперской службе монстр? — «мундира против бывших монстров».¹³⁷ Анна даже проявляла инициативу: вероятно, по ее просьбе Кабинет запросил Сенат и комиссия по составлению Уложения, «до которых лет малолетние от пытки... увольняюцца».¹³⁸

Перекрещенная лютеранка отменила ограничения при пострижении в монахи и фактически проведенную в 1740 г. секуляризацию церковных владений: «заопределенные» вотчины, управлявшиеся Коллегией экономии, были возвращены архиерейским домам и монастырям.¹³⁹ Как и в предыдущее царствование, правительство стремилось поддержать спокойствие в столице: были установлены твердые цены на продовольствие под контролем полиции.¹⁴⁰

Одиннадцатого ноября 1740 г. Остерман набросал план действий новой правительницы: первым делом дать инструкции российским послам в Европе, прежде чем в места их аккредитации придет информация «от чужестранных министров»; самих же иностранных дипломатов надлежало официально известить о перевороте. Для предотвращения сбоев в работе государственной машины надо было немедленно утвердить все «милостивые указы» Бирона и издать распоряжение об «отправлении дел по прежним указам и регламентам». Кроме того, Остерман советовал принцессе сразу же взять к себе «малиновую шкатулу» с письмами покойной императрицы и распорядиться о захвате бумаг регента,¹⁴¹ что было осуществлено исполнительным Манштейном.

Для Анны Леопольдовны была составлена Остерманом и более обширная записка на немецком языке, содержащая перечень важнейших задач текущей и перспективной политики.¹⁴² Опытный министр подчеркнул достоинства правительницы (ее любовь к правосудию, «врожденное милосердие» и «страх Божий»); затем он рекомендовал 22-летней великой княгине лично не менее 4 дней в неделю собирать заседание «Совета» с участием не только членов Кабинета, но и представителей Сената, Военной коллегии, Синода. Но и мнениям специалистов не стоит, однако, слепо доверять: правительнице придется самой «все выслушивать и все исследовать».

Остерман наметил для Анны целую программу преобразований: прежде всего — составить, наконец, описание государственных доходов и расходов, разобраться с недоимками, для этого провести новую ревизию-перепись; «истребить» легковесные медные пятаки. Для улучшения работы администрации необходимо было составить новые штаты и увеличить жалование служащим.

Министр осторожно предлагал некоторые новшества: не стоит ограничивать срок пребывания на своем посту воевод двумя годами, чтобы

они не «прокладывали запрещенные пути» в целях быстрого обогащения; кабаки разумнее не сдавать на откуп, а передавать в городское управление. С целью повышения доходов Остерман предлагал начать экспорт уже вполне конкурентоспособного русского оружия и ввести свободную торговлю с Китаем; для укрепления боеспособности армии — регулярно проводить смотры дворян-помещиков и поощрять не пользовавшуюся популярностью службу на флоте. Завершал записку внешнеполитический раздел, где опытный дипломат советовал избегать тесного сближения с какой-либо державой, а прежде всего — преследовать «свои особенные фундаментальные выгоды».

Первые шаги правительницы свидетельствуют о проведении этих советов в жизнь. Все «милостивые указы» Бирона были подтверждены новыми актами — за исключением проведения рекрутского набора и наград сторонникам курляндца.¹⁴³ Специальным указом «регентина» подчинила себе Тайную канцелярию, повелев ее доклады «подавать прямо нам, а не в Кабинет».¹⁴⁴ 27 ноября 1740 г. Анна разрешила подданным подавать ей по субботам жалобы на работу коллегий и Сената: эти затянувшиеся дела «имеют быть самими нами рассматриваны и решены»; впрочем, тут же, осознав неразрешимость такой задачи, правительница издала более реалистичный указ об учреждении при Сенате специальной комиссии для решения неоконченных дел.¹⁴⁵

После объявления указа о производстве дел в присутственных местах «без всякой волокиты», ограничивавшего срок рассмотрения 6 месяцами, последовали другие шаги в этом направлении. Пятого января 1741 г. все учреждения обязывались представить в Сенат сведения о своих расходах для составления новых штатов. Позже с этой целью повелевалось всем учреждениям подать в Сенат ведомости о чиновниках I-VII классов для составления «генерального именованного списка».¹⁴⁶ Сенат должен был ежемесячно отправлять в Кабинет рапорт о приходе и расходе казенных денег. Еще несколькими днями позже последовало требование представить ведомость накопившимся недоимкам.¹⁴⁷ Распорядилась Анна и о подсчете своих собственных доходов по дворцовому хозяйству. Из поданного 10 февраля 1741 г. реестра правительница узнала, что является хозяйкой 385488 душ, проживавших в дворцовых волостях; познакомилась с их управляющими и суммой недоимок.¹⁴⁸

На первых порах Анну Леопольдовну можно было упрекнуть в чем угодно, только не в лени. Неплохо сохранившиеся — благодаря стараниям Елизаветы «арестовать» историю страны в период правления своей предшественницы — материалы Кабинета содержат сотни резолюций правительницы. «Наверх» пошла затребованная информация, началось составление штатов целого ряда коллегий, почти завершена была первая («судная») книга нового кодекса законов. Были подготовлены «работные регулы» мастеровым на суконных фабриках с подробным описанием распорядка рабочего дня (с 9.00 до 20.00 по специально установленным песочным часам), ставок зарплаты и методов борьбы с «несунами» — «фабричными ворами».¹⁴⁹ В январе 1741 г. Анна утвердила образцы новых монет с портретом сына в римской тоге и лавровом венке.¹⁵⁰

Правительнице — «Анне Второй» — уже посвящал свои оды Ломоносов: «Тобою наш Российской свет

Во всех землях как крин цветет...¹⁵¹

Однако вскоре попытки преобразований в системе управления замерли без энергичного побуждения, — как, например, работа над новым Уложением. За год члены специальной комиссии так и не смогли довести до конца «судную» главу нового кодекса. Кабинет составил «экстракт о сочинении окладной книги», где перечислил все предыдущие указы по этому вопросу с 1732 г.,¹⁵² но самой книги по-прежнему не было: Сенат так и не получил с мест ведомости об окладных и неокладных государственных доходах.

В конце правления Анны Камер-коллегия в очередной раз признала, что, хотя в Московской губернской канцелярии «секретарь и приказные служители содержатся под караулом, скованы без выпуска, а из оной де губернской канцелярии письменно объявлено: за згорением де в губернской канцелярии дел и ведомостей и за неприсылкою Московской провинции из городов тех требуемых ведомостей сочинить вскорости никак не можно».¹⁵³ Понизилась и без того не слишком высокая собираемость налогов: в 1740 г. недоимка по подушной подати определялась Военной коллегией в 672545 рублей, а в 1741 г. — 1571128 рублей, что составляло треть от общей суммы сбора.¹⁵⁴

Знакомство с перечнем актов правления Анны Леопольдовны в ПСЗ показывает, как с каждым месяцем они «мельчают». Инициативы первых дней и принятие доставшихся в наследство от прежнего режима законов (утверждение «Устава о банкротстве» в декабре 1740 г.) сменяются с весны 1741 г. все более частными распоряжениями: об определении «грузинцов» в грузинские гусарские полки, о нормах усушки и утруски провианта, расширении переулков на Васильевском острове, количестве лошадей для выезда разных рангов чиновников (генерал-фельдмаршалу полагается 12, а поручику — только одна), строении Царскосельской дороги...

По-видимому, сделанные «заявки» оказались не по плечу правительнице, «одаренной умом и здравым рассудком» (по мнению Финча), но не обладавшей ни компетентностью, ни жестким волевым напором. Дела императорского Кабинета показывают, что Анну буквально захлестнул поток документов — и обычных докладов по делам центральных учреждений, и вызванных ее же распоряжениями о пересмотре дел по Тайной канцелярии или подаче сведений по финансовым вопросам.

Вот только одна из многих бумаг: поступивший от Остермана доклад (едва ли не им же и составленный в духе упомянутой выше записки) сообщал, что в пределах Российской империи население обслуживают 1324 городских кабака и 763 уездных, большая часть которых отдается «на вере» городским обывателям. Полную сумму продажи установить невозможно, поскольку не менее 300 тысяч рублей в год «остается в пользу партикулярных людей» из-за неучтенного производства на частных винокурнях и тайной («корчемной») продажи. Искоренить же корчемство, как следовало из доклада, невозможно: доносчики страдали при методах тогдашнего следствия и не желали доносить, а «корчемников» спасали от

наказания высокопоставленные лица, сами являвшиеся крупнейшими винокурами и реализовывавшие на рынке тысячи ведер в свою пользу. В итоге спрашивалось: не умножить ли число казенных винокурных заводов (но так, чтобы при этом не снижалась казенная цена вина при продаже) и не запретить ли ввоз импортной водки в Россию (но чтобы при этом потребители могли рассчитывать на качественный товар)?¹⁵⁵

Что могла ответить на эти вопросы 22-летняя принцесса, обладавшая только «благородной гордостью»? А ведь одновременно ей надо было постигать тонкости дипломатии в европейском «концерте», разбираться в цифрах налогового обложения, назначать поставщиков мундирного сукна и позволять Военной коллегии эксперимент: давать кавалерийским лошадям сено «с убавкою» в 4 фунта, чтобы выяснить, «могут ли лошади... таким числом сена довольны быть».¹⁵⁶ Она же должна была решать, стоит ли отдавать казенную смолу для реализации в Англии «в комиссию» голландским негодьям Пельсам; что отвечать на настойчивые просьбы о помощи «венгерской королевы» Марии-Терезии; разрешать ли иностранным купцам закупать хлеб в России. Из тех же бумаг Остермана 1741 г. следовало, что общие военные расходы страны составляли 4500746 рублей, а недоимки с 1724 г. достигли такой же величины; что денег, как обычно, не хватало, и Штатс-контора по-прежнему была в долгах перед другими ведомствами.¹⁵⁷

По-видимому, Анна довольно быстро «сломалась». До последних дней осени 1741 г. она формально исполняла свои обязанности; но действовать самостоятельно или настоять на выполнении принятых решений уже не могла и большей частью просто утверждала предлагаемые ей решения резолюцией «Быть по сему» или «Так». При отсутствии «хозяина» снижается административная и законодательная активность власти: в январе 1741 г. было выпущено 96 указов, в феврале — 62, в марте — 43, и этот уровень сохранялся до осени.¹⁵⁸

Несомненно, на «угасание» деятельности нового правительства повлияла и очередная беременность Анны: 17 июля 1741 г. подданных известили о рождении великой княжны Екатерины Антоновны. Забота матери о двух младенцах должна была отнимать известное время; к ней прибавлялись хлопоты по устройству собственного двора и апартаментов, обязательные приемы, празднества, аудиенции иностранным послам. В мае 1741 г. Анна утвердила свой придворный штат из 517 человек. Принцесса сменила духовника, начала строительство нового Летнего дворца, а в Зимнем устроила отдельный кабинет младенца-императора, где помещалась его дубовая колыбелька (весом 33 пуда) и уже были заготовлены «печатные книжки».¹⁵⁹

Миних-старший вспоминал, что Анна не раз говорила ему: «Я хотела бы, чтобы мой сын был в таком возрасте, когда мог бы царствовать сам». Другие мемуаристы-современники также отмечали, что Анна стремилась искать необходимое ей спокойствие и уют в узком кругу близких ей лиц: в апартаментах любимой фрейлины Юлии Менгден собирались за партией в карты Финч, маркиз Ботта, саксонский посол граф Линар и брат фельдмаршала Христиан-Вильгельм Миних. Однако душевные разговоры в

интимном кругу оборачивались попытками дипломатов «подключить» Россию к разгоравшемуся в Европе конфликту.

Австрийское «наследство» и шведский реванш

Пока в Петербурге праздновали, 16 декабря 1740 г. войска Фридриха II вторглись в австрийскую Силезию и захватили большую часть этой провинции. Намечавшееся нарушение баланса сил не могло произойти без участия России, и все заинтересованные стороны стремились повлиять на позицию петербургского двора.

Остерман продолжал переговоры с Финчем о союзном договоре с Англией. В это же время в Петербург срочно прибыл адъютант прусского короля и свойственник Миниха Винтерфельт с целью, по свидетельству Манштейна: «сделать все возможное, чтобы отвлечь первого министра от венского двора и не щадить ничего для переговоров по этому важному делу», что подтвердил в своих мемуарах Фридрих II.¹⁶⁰

Главным плодом усилий прусской дипломатии стало заключение 16 декабря 1740 г. союзного договора с Россией, предусматривавшего оказание взаимной помощи в случае войны (кроме конфликтов России с Турцией, Крымом и Ираном) и сохранение status quo в Курляндии и Польше. В свое время Анна Иоанновна отказалась от подобного договора, не желая давать Пруссии гарантий на владение новоприсоединенными княжествами Юлих и Берг. Ныне же Россия обязалась не заключать противных Пруссии по этим спорным территориям соглашений, что в некоторой степени ставило русскую дипломатию на защиту прусских интересов.¹⁶¹ Но главное было не в этом: в момент заключения договора Россия оказалась в положении страны-союзницы обеих воюющих держав, каждая из которых имела право на ее поддержку.

Манштейн (сочинявший свои мемуары уже на службе у прусского короля) перечислял: «Госпожа Миних получила от короля кольцо, украшенное крупным бриллиантом, ценностью в 6 000 рублей. Сын фельдмаршала получил 15 тысяч эфимков [талеров. — И.К.] чистыми деньгами и право на пользование доходами с майората в Бранденбурге, называемого Бюген. Король Фридрих-Вильгельм подарил его князю Меншикову, затем им владел герцог Курляндский и, наконец, его получил граф Миних».¹⁶² Таким образом, можно, пожалуй, говорить о складывании традиции «наследственных» владений российских временщиков за границей в качестве гарантии их внешнеполитических симпатий.

Миних-младший категорически заявлял, что фельдмаршал отказался от предложенных ему денег и «вотчины Биген», а сам он согласился их принять только с согласия Анны Леопольдовны. Однако иностранные дипломаты сомневались в бескорыстии фельдмаршала, а австрийский резидент Гогенгольд даже грозил разрывом дипломатических отношений. Однако подоспевший посол Вены маркиз Ботта решил действовать не кнутом, а пряником: привез Миниху титул графа, а его сыну — орден Белого Орла. Императрица Мария-Терезия обещала первому министру графство Вартенберг на территории Силезии.¹⁶³

Прусский король, в свою очередь, приказал своему послу сделать все, чтобы «завоевать фельдмаршала», и для этого отпустил «кредит» в размере 100 тысяч экю. Самому Миниху и его «последующему потомству как по мужской, так и по женской линии» Фридрих II обещал, кроме уже названной «вотчины Биген», то же самое графство Вартенберг в уже захваченной его войсками Силезии.¹⁶⁴

Конечно, внешнеполитические решения определялись не только честолюбием Миниха. Союз с Пруссией был намечен еще Бироном, который дал письменные полномочия Кабинету министров на заключение этого договора, подтвержденные Анной Леопольдовной.¹⁶⁵ Заграничные владения фельдмаршал получал, действительно, с формальной санкции правительства и Кабинета.¹⁶⁶ Но, пожалуй, впервые за расположение министров империи шла такая откровенная торговля. Отставка Миниха не облегчила положения, поскольку обозначилась угроза России со стороны Швеции, правящие круги которой при поддержке Пруссии и Франции собирались взять реванш за поражение в Северной войне.

Неспокойно было и на южных границах: иранский шах Надир в декабре 1740 г. захватил Хиву и Бухару, а весной следующего года повел свою армию в Дагестан. Резидент П.Калушкин передавал из ставки Надира, что грозный завоеватель движется к российским границам и — по его публичным заявлениям — то собирается дойти до Царицына, то высказывается, что «ис такого завоевания пользы не будет, понеже во всей России более казны расходуется, нежели собирается».¹⁶⁷ Однако уже в марте 1741 г. Кабинет обсуждал меры на случай движения персидского войска на Астрахань и кандидатуру чрезвычайного посла в Иран.¹⁶⁸

В условиях намечавшейся изоляции Остерман выступал в пользу заключения союзного договора с Англией, переговоры о котором тянулись уже давно. Однако англичане упорствовали в ключевом для русской дипломатии вопросе о немедленной помощи России своим военным флотом.

Новый кабинет-министр граф Михаил Гаврилович Головкин, судя по сохранившимся бумагам Кабинета, считал себя знатоком по части иностранных дел: он подавал рассуждения о том, как принимать турецкого посла, какие назначения проводить в дипломатические миссии; полагал, что договор с Фридрихом можно не выполнять, а текст его сообщить австрийскому резиденту. В отличие от Миниха, Головкин был сторонником Австрии. В его документах после ареста были обнаружены проекты «тайной конвенции» с Марией-Терезией; граф даже предлагал в марте 1741 г. создать коалицию Польши, Саксонии и России, ввести в Пруссию войска и затем ее «на воеводства разделить».¹⁶⁹

Подобные планы не могли вызвать у осторожного Остермана иных чувств к их автору, кроме сильнейшей антипатии, тем более что Головкин был весьма неуживчив. Финч отзывался о новом министре критически: «Смесь гордости, невежества и самодовольства»; Шетарди сообщал, как Головкин жаловался Антону на Остермана, что не мешало ему ссориться и с герцогом.¹⁷⁰ Иностранцы воспринимали графа в качестве вождя «русской партии», противника Остермана, несмотря на то, что союзником Головкина выступал ... австрийский посол маркиз Ботта.¹⁷¹

В итоге российская дипломатия в 1741 г. не имела четко определенной позиции. Русским послам в Дрездене и Вене приходилось оправдываться за заключение союза с Пруссией. Послу в Берлине предписывалось заявить о недопустимости агрессивных действий короля в Силезии.¹⁷² Но и оказывать помощь старому союзнику не спешили. В январе кабинет-министры пришли к выводу: «Наше государство не в таком состоянии находится, чтоб в чужие места помощь давать, потому что оно много внутреннего поправления требует». К тому же необходимо было «принять в рассуждение шведов, шаха Надира, да и контайшинского владельца, которые того и смотрят, чтоб Россия каким-либо образом себя обнажила и при первом случае какое нападение учинить». В феврале австрийцам было однозначно заявлено, что Россия «одна не в состоянии королеву венгерскую сутенировать».¹⁷³

В дальнейшем, несмотря на постоянные просьбы о помощи и даже личное обращение Марии-Терезии, инструкции русскому послу в Вене отмечали только плохую подготовку австрийских войск и желание австрийцев «на одних своих союзников навалить» тяжесть войны.¹⁷⁴ Остерман допускал участие России в конфликте только при вступлении в боевые действия ганноверской армии английского короля вместе с датскими, гессенскими и саксонскими войсками.¹⁷⁵

На переговорах с Августом III и Фридрихом II русские дипломаты как будто искренне верили миролюбивым заявлениям прусского короля и желаниям «саксонского дома» прийти на помощь Австрии. Миних-старший указал в мемуарах, что правительница согласилась на участие в австро-саксонско-российском союзе против Пруссии; но в итоге он так и не был заключен.¹⁷⁶ Российская и австрийская дипломатии в конце концов проглядели образование антиавстрийской коалиции с участием Саксонии, Баварии и Франции. Заключенный в июне 1741 г. франко-пруссский союз предусматривал обязательство Франции толкнуть Швецию на войну с союзницей Австрии. Договор был выполнен: 8 августа 1741 г. Швеция объявила войну России, а французская армия в том же месяце перешла Рейн.

В это время в Петербурге борьба карьер и амбиций проходила на фоне чередовавшихся празднеств, хотя вице-канцлер М.Г.Головкин настолько не был уверен в силах своей армии, что предлагал строить редуты близ Петербурга. 12 августа отмечался день рождения императора, 13 августа праздновали обручение саксонского посланника графа Морица Линара и фрейлины Юлии Менгден; 12 августа состоялся торжественный прием турецкого посла с последующей «экскурсией» в Петергоф, где знатного гостя поили кофе в Монплезире, а его свиту «из потаенных под землею фанталов водою немало помочило».¹⁷⁷ Затем последовали день рождения принца Антона (17 августа), бал по случаю тезоименитства императора (29 августа), праздник ордена Св. Александра Невского (31 августа), тезоименитство Елизаветы (5 сентября).

Бесперывные празднества скрывали неуверенность правительства и напряженную ситуацию в столице. 17 августа принц Антон сообщал Финчу о попытках поджога Арсенала.¹⁷⁸ На следующий день генерал-поли-

цеймейстер Ф.В.Наумов известил Сенат о поимке человека, пытавшегося поджечь Гостиный двор; следствие с многократными пытками установило, что этим занимался не шведский агент, а костромской крестьянин Дмитрий Иванов с целью поживиться во время пожара.¹⁷⁹ По докладом генерал-полицеймейстера Сенат постановил распределить драгунские команды по районам Петербурга в виде постоянных постов и разъездов.¹⁸⁰

Непосредственная угроза столице скоро была ликвидирована. Собранный 20 августа «воинский консилиум» действующей армии единодушно решил атаковать противника; в конце августа шведские войска потерпели поражение в Финляндии, но складывать оружие Швеция не собиралась. Торжественный прием персидского посольства не мог снять опасений за безопасность южных рубежей страны. Притязания Надира на Дагестан заставили Кабинет и Военную коллегию готовить к обороне Астрахань и Кизлярскую крепость, но принять под покровительство просивших об этом горских владетелей Дагестана Петербург так и не решился.¹⁸¹

В ходе начавшейся войны правительство столкнулось еще с одной проблемой. Вторгшийся в русские пределы шведский отряд стал оставлять воззвание главнокомандующего К.Левенгаупта к «достохвальной русской нации» о предстоящем освобождении от тирании «министров-иностранцев» и избрании законного и справедливого правительства. Манифест вызвал смущение в правящем кругу, задетом выпадами против «чужестранных»; шведское правительство стало распространять этот документ и в других европейских странах вместе с прочими пропагандистскими материалами, наполненными «мерзостными и ругательными экспрессиями».¹⁸²

Голландские «газетиры» на всякий случай просили у российской миссии опровержения, а потом печатали вместе и те и другие материалы — к затруднению дипломатов, которые ничего не могли поделать с вольными издателями.¹⁸³ Прусские «ведомости» «разглашали» о мнимых шведских успехах и помещали сообщения, что русский флот якобы заперт в Кронштадте, а «в России во всех местах бунт произошел».¹⁸⁴ Правительству пришлось рассылать через дипломатические миссии специальные «приложения», представлявшие шведов как «варваров и диких паганян», начавших войну без всяких причин, да еще вступивших в союз с «наследным врагом христианского имени» — турками.¹⁸⁵

Договор с Англией был заключен еще в апреле, но с его ратификацией не спешили по причине разногласий в российских «верхах». Остерман признавал «весьма сумнительной» английскую помощь, но все же считал необходимым избегать на этой почве конфликта и не пересматривать не слишком выгодный русской стороне торговый договор 1734 г. А.М.Черкасский видел в сложившейся ситуации основным союзником Данию; от англичан он считал необходимым немедленно потребовать денег, как это было предусмотрено договором в случае невозможности посылки английской эскадры. Головкин категорически высказывался против ратификации и даже после четырех заседаний министров по этому вопросу в октябре 1741 г. остался при своем мнении, потребовав внести вопрос «к высочайшему рассмотрению».¹⁸⁶

В это время в Лондоне сочли, что внутренняя нестабильность режима освобождает их от условий только что заключенного союза. Сначала Финч передал русскому двору, что его правительство предлагает изменить условия договора и согласно предоставить только денежную субсидию (вместо присылки своей эскадры на Балтику), а затем — согласно полученным из Лондона инструкциям — отказал и в уплате денег. Остерману пришлось вынести унижение со стороны «союзника», но договор правительства все же ратифицировала в ноябре 1741 г.¹⁸⁷

Среди друзей принцессы быстро выделился саксонский граф Линар, который в свое время был под благовидным предлогом отослан от русского двора. В 1741 г. правительства была уже свободна от опеки и не слишком стеснялась в проявлении своих чувств. Это позволило Миниху-старшему изложить в своих записках все придворные сплетни о новом (точнее старом) увлечении Анны: «Она часто имела свидания в третьем дворцовом саду со своим фаворитом графом Линаром, куда отправлялась всегда в сопровождении фрейлины Юлии... и когда принц Брауншвейгский хотел войти в этот же сад, он находил ворота запертыми, а часовые имели приказ никого туда не пускать... Летом она приказывала ставить свое ложе на балкон Зимнего дворца; и хотя при этом ставили ширмы, чтобы скрыть кровать, однако со второго этажа домов соседних с дворцом можно было все видеть».¹⁸⁸

Зоркость фельдмаршала можно было бы объяснить обстоятельствами его отставки; но опубликованные С.М.Соловьевым письма принцессы содержат ее не менее красноречивые признания в адрес галантного красавца: «Целую Вас и остаюсь вся ваша».¹⁸⁹ Анна — в духе нравов времени — помолвила своего поклонника в августе 1741 г. с наперсницей-фрейлиной и произвела его в кавалеры высшего российского ордена Андрея Первозванного. В апартаментах принцессы висел портрет графа; сам он, в свою очередь, позволял себе публично выговаривать правительнице Российской империи: «Вы сделали глупость».¹⁹⁰ В результате вице-канцлеру империи Остерману и генералиссимусу Антону Брауншвейгскому приходилось решать сложную внешнеполитическую задачу: заставить австрийских министров повлиять на саксонского курфюрста и польского короля Августа III, чтобы тот отозвал из Петербурга и из постели правительницы Линара.¹⁹¹

«Брожение во внутренних делах»

Так охарактеризовал ситуацию при российском дворе английский посол Финч. Подобные оценки будут встречаться и у других дипломатов вплоть до конца недолгого царствования Ивана III.

Фактически главным членом Кабинета оставался Остерман, старавшийся привить принцессе представления об обязанностях правителя и ввести ее в курс государственных дел. Но Остерман и по характеру, и по манере действий не мог быть лидером, открыто выдвигать свои предложения и брать на себя ответственность. В глазах других сановников и подчиненных он выглядел хитроумным и двоедушным интриганом; даже

секретарь Сергей Семенов на вопрос, что ему известно о планах его шефа, заявлял: министр «человек хитрой и скромной, и не только ему, но и другим никому ни о чем знать никогда не давал».¹⁹²

Помимо упомянутых выше документов, Остерман и позднее подавал Анне докладные записки: по вопросам внешней политики, о разделении Сената на 4 департамента и, как сам упоминал на следствии, о преимущественном награждении «российских природных» подданных.¹⁹³ Но, видимо, регентша не вполне доверяла «хитрому и скромному» министру: ему она ничем не была обязана (в отличие от Миниха); к тому же Остерман покровительствовал принцу Антону, отношения с которым у правительницы становились все более напряженными.

Принц, как «Отца отечества отец» (по выражению Ломоносова), завелся своим придворным и военным штатом; после отставки Миниха он реально возглавил военное ведомство, но был не прочь играть более активную роль и в гражданском управлении. Он в какой-то степени овладел русским языком (во всяком случае, подписывался по-русски), стал посещать Сенат, задумал частичные реформы в гвардии.

К сожалению, эти попытки не нашли освещения в соответствующей главе обстоятельной биографии Антона-Ульриха.¹⁹⁴ Материалы же Военной коллегии показывают, что принц добросовестно исполнял свои обязанности по руководству армией, хотя приходилось ему нелегко. Как обычно, не хватало на жалование денег, которые не поступали в Военную коллегию, несмотря на неоднократные указы и даже посылку «нарочных». Накануне войны результаты очередного набора показали, что рекруты «малорослы, слабы, дряблы, а другие слепые и хромые».¹⁹⁵ Как и Анне, ее мужу пришлось иметь дело с потоком челобитных, адресуемых столь «великой персоне» разнообразными корреспондентами.

Однако власть генералиссимуса была весьма ограниченной: его деятельность определялась присылаемыми от имени императора указами регентши; все просьбы о производстве в штаб-офицерские ранги и награждении «деревнями» он направлял на усмотрение Кабинета и правительницы, ей же посылал и доклады по всем делам подчиненных ему полков гвардии (включая не только назначения, но и заготовку фуража и шитье мундиров), на которых Анна накладывала резолюции.¹⁹⁶

Принц подавал проекты более серьезных преобразований — например, восстановления созданной при Петре I военной администрации с полковыми дворами, несмотря на все ее «непорядки». Подстрекал герцога к активным действиям отставной Миних, который на одном из торжеств во всеулышание произнес вдруг тост за «соправителя», вызвавший недоумение присутствовавших дипломатов.¹⁹⁷ Особенно обострились отношения принца с Анной по поводу фавора Линара. В ответ правительница позволяла себе откровенно игнорировать права супруга, а порой ставила генералиссимуса на место: манифест о победе русских войск над шведами под Вильманстрандом, напечатанный от имени Антона-Ульриха, был изъят и заменен новым — от имени императора.¹⁹⁸

Анна нашла себе союзника в лице М.Г.Головкина. Граф сумел, благодаря своей жене Е.И.Ромодановской (приходившейся двоюродной тет-

кой правительнице), стать одним из самых близких к «регентине» людей. На следствии после воцарения Елизаветы ему вменяли в вину, что он очень часто поутру был у принцессы на приеме, «а по полудни почти всегда». Долго находившийся не у дел граф стремился наверстать упущенное и подавал рассуждения и представления на самые разные темы: о рекрутах, беглых крестьянах, продаже леса за границу и т.п. Именно Головкина современники связывали с проектами изменения завещания Анны Иоанновны и передачи короны самой правительнице.

Не терял надежд на возвращение к власти и Миних, чьей заступницей была не терпевшая Остермана фрейлина и лучшая подруга Анны Леопольдовны Юлиана Менгден, состоявшая с бывшим первым министром в близком родстве.

При таком раскладе наладить сколько-нибудь серьезное сотрудничество среди окружавших принцессу лиц было мудрено. На какое-то время всех объединила оппозиция Бирону, и в отношении судьбы бывшего регента особых разногласий не было.

8 апреля 1741 г. был составлен приговор о четвертовании «бывшего герцога». Как и ожидалось, он был заменен помилованием и ссылкой в Пелым. 14 апреля был опубликован манифест, где бывший регент сравнивался с цареубийцей Борисом Годуновым, а его утверждение у власти объяснялось тем, что Бог «восхотел было всю Российскую нацию паки наказать... бывшим при дворе ее императорского величества обер-камергером Бироном». Беспомощность официальных идеологов была очевидной: причины, сделавшие курляндского фаворита императрицы орудием Божьего промысла, как и вызвавшие небесный гнев грехи всей нации, никак не разъяснялись. Не говорилось и об угрозе возвести на престол голштинского принца: упоминание дополнительных претендентов было нежелательным. Зато подробно перечислялись прочие «вины» курляндца (в том числе и не подтвердившиеся на следствии): будто бы он украл «несказанное число» казенных денег, «наступал на наш императорского величества незлобивый дом», подавал «вредительные» советы.¹⁹⁹ После оглашения приговора окончивший свою миссию носитель божьей кары отправился вместе с семейством в Сибирь под конвоем 74 гвардейских солдат и офицеров.

Одновременно от имени императора появилось «Объявление» о персонах, способствовавших утверждению Бирона регентом: Минихе, Черкасском, Трубецком, Ушакове, Куракине, Головине, Левенвольде, Бреверне, Менгдене, т.е. почти обо всей российской верхушке, за исключением Остермана. Перечень их прегрешений завершался объявлением о прощении.²⁰⁰ Трудно сказать, насколько публичное обвинение первых сановников в государственной измене могло упрочить положение новой власти. Неисполнение обязанностей и поддержка главного преступника (Бирона) могли любого из перечисленных вельмож превратить в подсудимого; но, с другой стороны, никакого существенного обновления в правящем кругу не последовало, что могло только укрепить уверенность его представителей в безнаказанности своих действий или бездействия.

Вообще «кадровая» политика эпохи принцессы Анны не отличалась последовательностью. Правительница не сменила командиров гвардии, за исключением арестованного Г.Бирона и уволенного Миниха.²⁰¹ На своем посту остался клеврет Бирона преображенский майор И.Альбрехт, донесший на секретаря Анны Леопольдовны М.Семенова камергер А.М.Пушкин был назначен в Сенат. Остался при дворе и финансовый советник Бирона «обер-гофкомиссар» Исаак Липман, предупреждавший, как полагали, своего хозяина о перевороте. Правительница по-прежнему пользовалась услугами опытного «придворного еврея», поставлявшего новой хозяйке драгоценности и товары с Лейпцигской ярмарки.²⁰²

Других деятелей и «выдвиженцев» Бирона сначала даже повышали чином, а потом — снимали с должности, как президента Академии наук К.Бреверна, обер-прокурора Сената И.И.Бахметева. Возможно, был прав Миних-младший, когда утверждал, что правительница «почитала многих людей с так называемым счастливым лиц расположением и судила большей частью по лицу о душевных качествах человека».

При этом списки генералов и штаб-офицеров армии 1741 г. не дают оснований утверждать о каких-то преимуществах иноземцев или о стремлении «брауншвейгских» правителей назначать на ответственные посты «немцев». Единственным генерал-аншефом стал при Анне М.И.Леонтьев; из 4 произведенных генерал-лейтенантов «немцем» был только П.Ф.Балк; из 5 генерал-майоров — А.Беренс и В.Бриммер; при этом, за исключением генерал-адъютанта Балка, все произведенные были старыми служаками, не связанными с придворными «коньектурами».²⁰³ Решение о победоносном для русской армии Вильманстрандском сражении в августе 1741 г. принял военный совет, шесть из восьми участников которого во главе с главнокомандующим П.П.Ласси были «немцами».

Перемены в системе центрального управления ограничились устранением Миниха из Военной коллегии и назначением двух новых президентов Ревизион-коллегии (Н.С.Кречетникова) и Камер-коллегии (Г.М.Кисловского). Из назначенных Анной президентов и вице-президентов коллегий (К.Принценстерн, М.Т.Раевский, Б.И.Бибигов) только один был «немцем», к тому же давно находившимся на русской службе²⁰⁴ (см. Приложение, Таблица 1).

На местах перемен было больше (см. Приложение, Таблица 2): новые губернаторы и вице-губернаторы появились в 6 губерниях. Однако эти назначения трудно считать целенаправленной сменой кадров: новые должности не являлись для назначенных опалой, большинство из них сохранили свои посты (кроме попавшего под следствие за соращение собственной дочери А.П.Баскакова) и после нового дворцового переворота 1741 г. Правительницу и здесь трудно упрекнуть в особом пристрастии к иноземцам. Все назначенные в 1741 г. губернаторы (М.И.Леонтьев, А.Г.Загряжский, А.П.Баскаков, В.Н.Татищев, А.А.Оболенский, И.А.Шипов, главнокомандующий на Украине И.И.Бибигов), за исключением рижского вице-губернатора Х.Вилдемана, были русскими.

Как уже говорилось, чиновники высшей администрации империи не могли пожаловаться на пренебрежение их заслугами. Помимо отмечен-

ных выше награждений, президент Юстиц-коллегии И.Ю.Трубецкой, вице-президент Вотчинной коллегии А.Г.Комынин, генерал-рекетмейстер Ф.А.Щербатов, руководители Сысского приказа (Я.И.Кропоткин), Ямской канцелярии (Ф.В.Сухова-Кобылин), Канцелярии от строений (И.Г.Микулин), новгородский вице-губернатор А.Ф.Бредихин стали действительными статскими советниками. Следующие военные или статские чины получили и другие губернаторы и вице-губернаторы — А.Оболенский, Д.Друцкий, Л.Соймонов, С.Гагарин, П.Аксаков. Все они продолжили службу и после переворота.

Но раздачи чинов и должностей не всегда создавали для Анны надежную опору. Пострадавшие при Бироне (майоры Семеновского полка В.Чичерин, Н.Соковнин), действительный статский советник А.Яковлев, генерал-лейтенант М.С.Хрущов служили ей верно, и карьера большинства из них прервалась с новым переворотом. Но командиры гвардейских полков (Измайловского — И.Гампф, Конногвардейского — Ю.Ливен и П.Черкасский, Преображенского — П.Воейков) в ноябре 1741 г. не только не выступили в защиту правительницы, но ревностно выполняли все приказы Елизаветы, как и некоторые другие «назначенцы» Анны — ее камер-юнкер И.О.Брылкин, ставший обер-прокурором Сената, и сменивший Я.П.Шаховского на посту главы полиции Ф.В.Наумов.

Состоявшиеся назначения были, по-видимому, не всегда продуманными. Так, в сентябре 1741 г. определенные в Сенат А.М.Пушкин, Я.П.Шаховской, П.С.Салтыков, А.Д.Голицын выражали свое недовольство новыми обязанностями и тем, что с ними не советовались перед назначением.²⁰⁵ Сама Анна, в отличие от Бирона, ни разу не удосужилась посетить Сенат.

Общего количества повышений за год правления Анны нам установить не удалось, но ясно, что оно измерялось сотнями. Только по подготовленным Герольдмейстерской конторой к подписанию спискам новопожалованных в чины статского советника и выше 17 и 22 сентября 1741 г. их оказалось 127.²⁰⁶ Но всегда ли щедро даримые милости были уместны? Вопреки мнению Военной коллегии правительница пожаловала в генерал-майоры бригадира С.Ю.Караулова — участника всех войн и походов 10–30-х гг.²⁰⁷ Но одновременно она сделала следующий шаг к возвышению придворных чинов: при ней обер-гофмейстер был приравнен к генерал-лейтенанту, камергер — к бригадиру, камер-юнкер — к полковнику.²⁰⁸

Новые правители явно не умели выбирать помощников и удерживать сторонников. Еще в январе 1741 г. был уволен по прошению в отставку А.Яковлев, в марте получили отставку капитаны П.Ханыков и И.Алфимов, вслед за ними ушел со службы только что ставший полковником и придворным Анны Л.Пустошкин — все те, кто осенью 1740 г. шли на риск ради брауншвейгского семейства.

Рядом с безвинно пострадавшими награды получали любимая фрейлина Юлиана Менгден и ее родственники: им были пожалованы доходные посты и «мызы» в Прибалтике.²⁰⁹ Другим же не доставалось ничего — без ответа осталась поданная в августе 1741 г. челобитная не пользовав-

шегоса доверием правительницы генерал-прокурора Н.Ю.Трубецкого: вельможа жаловался на бедность, имея на 7 детей и 3 «пасынков» всего 2 тысячи душ, и просил наградить его «деревнями».²¹⁰ Вместе с боевыми офицерами чины и награды давались придворным кофишенкам, лакеям и кухеншрейберам, да и просто по знакомству; так получил звание лейтенанта знаменитый впоследствии корнет и барон Мюнхгаузен.²¹¹

Наказаний же избежали не только вдова Екатерина Кожина, обвиненная в умышленном убийстве незаконнорожденного ребенка, но и скупщики краденого, пойманные на подлогах чиновники Адмиралтейства и петербургской воеводской канцелярии, енисейский воевода-взяточник М.Полуэктов и ошельмованный растратчик, бывший лейтенант флота И.Чириков.²¹² К тому же окружавшие Анну лица умело использовали массовые награждения для продвижения по службе «своих» людей, «не взирая на старшинство» (в чем признавались на следствии Миних и М.Г.Головкин). Произвольные повышения — через 1 и даже 2 ранга — нарушали сложившиеся традиции чинопроизводства. Не случайно после нового переворота 1741 г. одним из первых актов правительства Елизаветы стал указ о соблюдении порядка повышения чинами «по старшинству и заслугам».²¹³

Мардефельд в июле 1741 г. резюмировал плоды «милостивой» политики правительницы: «Нынешнее правительство самое мягкое из всех, бывших в этом государстве. Русские злоупотребляют этим. Они крадут и грабят со всех сторон и все-таки крайне недовольны, отчасти потому, что регентша не разговаривает с ними, а отчасти из-за того, что герцог Брауншвейгский следует слепо советам директора его канцелярии, некоего Грамотина, еще более корыстного, чем отвратительный Фенин, бывший секретарь Миниха».²¹⁴ Едва ли добавило Анне популярности и ее увлечение графом Линаром — слишком уж он напоминал только что свергнутого Бирона.

К тому же придворные милости едва ли ощущались на улице. Летом 1741 г. полиция заставляла торговцев продавать мясо по вывешенным на специальных таблицах ценам; проблемы стоимости и качества продовольствия обсуждались на заседаниях Кабинета министров. Однако при обычной зарплате неквалифицированных рабочих в 7–9 рублей в год даже «государственные» цены (четверть ржаной муки — 1 рубль 70 копеек; пуд говядины — 50–60 копеек) были слишком высокими для них.²¹⁵ Полиция, как при Анне Иоанновне, брала с обывателей штрафы за поломку «линейных берез», клеймила хомуты извозчиков (в качестве регистрации официального промысла) и «с крайним прилежанием» ловила нищих — но по личному распоряжению правительницы освободила протестантские кирки и их служащих от тяжелой повинности мостить улицы.

Большой и «малый» фаворитизм, отсутствие твердого курса внутренней и внешней политики приводили к расстройству работы и без того несовершенного аппарата. Милости доставались не всем: иные пробившиеся на «верх» челобитчики по распоряжениям из Кабинета правительницы попадали под плети за жалобу на помещика или за подачу прошения «через голову» необходимых инстанций. Принятые решения не

исполнялись — так, остались на бумаге «Регламент и работные регулы» для рабочих суконных фабрик (против них выступали фабриканты, недовольные ограничением своих прав), — или сменялись противоположными.

В ноябре 1740 г. Анна отменила намеченный Бироном рекрутский сбор; но уже в декабре вышел указ о призыве 20 тысяч человек; в январе и сентябре 1741 г. последовали новые наборы.²¹⁶ В нарушение положения о подушной подати сверх нее с инородцев и чернососных крестьян стали собирать хлеб на довольствие армии.²¹⁷ Подготовленное генерал-прокурором Н.Ю.Трубецким назначение новых прокуроров было отменено без объяснения причин — скорее всего, по проискам Остермана, на следствии оправдывавшего этот шаг бюрократическим аргументом: «От прокуроров в делах остановка». Несостоявшиеся прокуроры дружно били челом о скорейшем определении к делам; правительнице в срочном порядке пришлось решать, куда назначить 36 оставшихся без жалования чиновников, притом так, чтобы новыми должностями не обидеть их перед «прочей братьею».²¹⁸

«Все идут врозь», — характеризовал деятельность правительства в октябре 1741 г. Шетарди, и такие же отзывы о русском дворе давал его коллега и соперник Финч.²¹⁹ В донесениях той поры дипломаты сообщали, что Анна при поддержке М.Г.Головкина выступает против своего мужа и руководившего его действиями Остермана, которого даже обвиняли в замысле посадить на трон принца Антона. Головкин стремился создать в Кабинете противовес Остерману в лице осужденного вместе с Бироном, но уже возвращенного из ссылки А.П.Бестужева-Рюмина.²²⁰ В результате этих склок принц Антон фактически потерял всякое влияние. Остерман чувствовал недоброе. Он предупреждал Анну — ему не верили; с отчаяния он даже просился в отставку — но, впервые в своей практике, не успел...

По наущению Головкина (что он признал на следствии) и любимой фрейлины Анна решила, наконец, изменить свой неопределенный статус и издать новый акт о престолонаследии. Она лично у себя в спальне дала указание действительному статскому советнику И.Н.Тимирязеву подготовить два манифеста: «Один в такой силе, что буде волей Божиею государя не станет и братьев после него наследников не будет, то быть принцессам по старшинству; в другом напиши, что ежели таким же образом государя не станет, чтоб наследницею быть мне».²²¹ Из доноса канцеляриста Дронова следует, что окончательная редакция этих документов принадлежит М.Г.Головкину.²²² Первый проект провозглашал по уже опробованной формуле («по усердному желанию и прошению всех наших верных подданных») наследницей престола младенца Иоанна III «нашу любезнейшую государыню мать». Второй передавал престол дочерям (уже имевшейся Екатерине и будущим), а в случае их смерти — матери.²²³

Очевидно, Анна понимала, что такое «домашнее» правотворчество в важнейшем для государственного устройства вопросе может вызвать возмущения. В специальной записке (адресованной, вероятно, Остерману) она выразила пожелание скорее «зачать» дело с Головкиным, а также обсудить этот вопрос с А.М.Черкасским и новгородским архиепископом

Амвросием.²²⁴ Первого ноября 1741 г. был подготовлен проект секретного указа Кабинету о выработке условий, каким образом новый порядок престолонаследия «в действо произвести»: стоит ли передать престол сразу матери или сначала дочерям — и можно ли ограничиваться детьми лишь от данного супружества (из чего следует, что Анна в конце 1741 г. рассматривала свой брак с Антоном как явление временное).²²⁵

Сохранился перевод с немецкого протокола такого совещания А.И.Остермана, М.Г.Головкина, новгородского архиепископа Амвросия Юшкевича и А.М.Черкасского, состоявшегося 3—4 ноября 1741 г. Протокол, несомненно, составлен страдавшим от подагры Остерманом: автор упоминал о том, что его периодически выносили в другую комнату «для известной моей болезни».

Документ свидетельствует, что участники совещания отнюдь не спешили принять решение и в итоге обратились за советом к тому же Остерману. Осторожный министр склонялся к тому, что «потребно наследство именно утвердить и на принцессе, сестре императорские», не упоминая о передаче престола матери. Амвросий настаивал, чтобы Анна Леопольдовна правительствовала «с полной самодержавной властью», но поддержки не получил. Судя по данному протоколу, главный инициатор воцарения Анны М.Г.Головкин особой настойчивости также не проявлял и предлагал даже отложить совещание на неопределенное время. На следующий день присутствовавшие согласились распространить право наследования на сестру императора. Вопрос о воцарении матери остался открытым.²²⁶

Очевидно, единства в данном вопросе среди советников правительницы не было, и Остерман подвел итог трехдневному совещанию: «Всяк из них хотел о том деле у себя дома подумать». Но каких-либо следов дальнейшего обсуждения проблемы престолонаследия не сохранилось.

Правда, Мардефельд и Манштейн сообщали вскоре после вступления на престол Елизаветы, что ее соперница собиралась объявить себя императрицей ко дню своего рождения 7 декабря 1741 г.²²⁷ Затем — уже в XIX в. — знаменитый эмигрант П.В.Долгоруков столь же определенно указывал, что был подготовлен специальный манифест о коронации Анны Леопольдовны 6 декабря 1741 г.²²⁸ Однако в числе дошедших до нас документов последних дней правления Ивана Антоновича, связанных с проблемой престолонаследия, подобного акта не обнаружено. По-видимому, окончательное решение так и не было принято за три недели, оставшиеся до нового переворота.

Анна могла бы быть королевой в Англии — как ее тезка, царствовавшая там в 1702—1714 гг. при ожесточенной борьбе партий тори и вигов, но в иной, более устойчивой политической системе. Но роль правительницы России оказалась молодой принцессе явно не по плечу. Несомненно, на отношении к ней сказалось патриотическое чувство против «засилья» немцев, хотя, как нам кажется, степень его распространения несколько преувеличена, следуя историографической традиции XIX века. Проще говоря, нам неизвестно, так ли уж сильна была неприязнь к правлению Иоанна III и его матери у чиновников, офицеров, купцов и прочих обывателей; устойчивые симпатии к Елизавете, очевидно, проявля-

лись лишь у «старой» гвардии, которая к тому времени уже вполне осознала свои возможности и стала выходить из-под контроля.

Успех переворота 1741 г. объясняется, конечно, не только тем, что протодушную регентшу удалось обмануть. Она оказалась непригодной для созданного Петром I политического режима, в котором все нити и рычаги были замкнуты на ключевой фигуре императора без какого-либо разделения прав и обязанностей с другими институтами власти. Юная правительница «не подошла» сложившейся системе управления не вследствие своего легкомыслия — Анна Иоанновна и Елизавета были не более компетентными; но она допустила такой уровень дезорганизации высших эшелонов власти (непредказуемость решений, появление «нового Бирона», склоки среди главных министров), который уже представлялся опасным для стабильного функционирования самой государственной машины.

Неспособность Анны создать свою «команду» и управлять ею означала, в итоге, такую изоляцию правящей группы, которая привела к успеху «солдатского» заговора Елизаветы, о котором пойдет речь в следующей главе. Потеря инициативы, отсутствие надежной координации деятельности правительства и склоки в нем создали атмосферу неустойчивости и своеобразного вакуума власти. В этих условиях стала созреть очередная дворцовая «революция», завершившая так счастливо начавшееся царствование Ивана III.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Принцесса жаловалась А.П.Волынскому: «Вы, министры проклятые, на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала», — пояснив, что ее муж «весьма тих и в поступках не смел». Опытный царедворец разъяснял молодой женщине всю пользу ситуации, когда муж «будет ей в советах и в прочем послушен» (Цит. по: *Соловьев С.М.* Соч. В 18-ти кн. М., 1993. Кн.Х. С.657-658; *Пекарский П.П.* Маркиз де ля Шетарди в России. СПб., 1862. С.11). Проблемы возникли и у принца. Полковник Иван Ликеевич поведал приятелям о том, что медовый месяц молодых начался с конфуза: «Антон Улрих плотского соития с принцессой не имел, и государыня на принцессу гневалась, что она тому причина. И после де того призывали лекарей и бабок, и Улриха лечили. И принцесса де с мужем своим жила несогласно, и она де его не любила, а любила с другими» (РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.3. Л.143). За неуместные подробности Ликеевич был навечно заточен в 1758 г. в Свяжский Богородицын монастырь.

² См.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1880. Кн.1. С.2. Дни его рождения и тезоименитства были вписаны в табель «высокоторжественных дней» в качестве официальных праздничных дат (ПСРВПИ. СПб., 1911. Т.10. С.29).

³ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1895. № 3. С.218.

⁴ См.: Сб. РИО. Т.86. С.85-86.

⁵ Там же. Т.85. С.9.

⁶ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 312. Л.32.

⁷ Текст записки с комментариями см.: *Хмыров М.Д.* Исторические статьи. СПб., 1873. С.321. Другую ее публикацию см.: АКВ. Кн.24. С.12-36.

⁸ См.: *Щебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне // ЧОИДР. 1862. Кн.1. С.85 отд. паг.; *Перевороты и войны /Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор.* М., 1997. С.300. Первый историк «эпохи дворцовых переворотов» А.-Ф.Бюшинг описывал, как Миних убеждал его в том, что именно Остерман и Черкасский «сделали» Бирона регентом; в то же время сам ученый располагал сведениями, что именно Миних «ночи в одном покое с герцогом Курляндским проводил» (АКВ. Кн.25. С.31).

⁹ См.: *Перевороты и войны.* С. 383. Миних-сын (как выяснило следствие по делу Бирона) исправно докладывал герцогу, что говорят о нем при дворе; и тот «за шпиона его почитал» (РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 287. Ч.1. Л.154).

¹⁰ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.138; *Герман Э.* Царствование Иоанна Антоновича // РА. 1867. №2. С.164.

¹¹ См.: *Левин Л.И.* Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (история «брауншвейгского семейства» в России). СПб., 2000. С.69-70.

¹² См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1895. № 3. С.223; *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым // Сб. ОРЯС. СПб., 1872. Т.9. С.228; *Перевороты и войны.* С.439; Сб. РИО. Т.85. С.322-329.

¹³ Второй экземпляр «определения» (без даты) забрал предусмотрительный Остерман (см.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.201).

¹⁴ См.: *Хмыров М.Д.* Исторические статьи. С.325.

¹⁵ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.139-140; *Перевороты и войны.* С.385. Донесение Пецольда см.: РГАДА. Ф.1292. Оп.1. № 95. Л.679.

¹⁶ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1895. № 3. С.216; *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.166.

¹⁷ См.: *Герман Э.* Указ. соч. С.162.

¹⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.134; *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 6. С.199; Сб. РИО. Т.86. С.560. Перевод донесений Гогенгольца см.: РГАДА. Ф.32. Оп.5. № 16. Л.66.

¹⁹ См.: *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 6. С.199.

²⁰ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 10. Л.9-10.

²¹ См.: Сб. РИО. Т.86. С.568; *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.134.

²² См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.194. Если верить Мардефельду, то уже тогда, т.е. еще при жизни Анны, регенту присягнули высшие чины империи (см.: *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 6. С.200).

²³ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.145-146; Сб. РИО. Т.92. С.6, 14.

²⁴ Одновременная смерть Карла VI вызвала общеевропейский конфликт – войну за «австрийское наследство», но внутриполитических потрясений в Австрийской империи не было. Претензии на трон (от имени своей жены – дочери старшего брата Карла VI, императора Иосифа I) выдвинул только курфюрст соседней Баварии Карл-Альбрехт в расчете на поддержку Франции.

²⁵ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.17. № 1197. Л.180-180 об.

²⁶ См.: Там же. Ф.197. Оп.1. № 40. Л.1-5.

²⁷ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 239. Л.283.

²⁸ *Перевороты и войны.* С.392.

²⁹ Манифест о кончине Анны, «Устав» о регентстве и присяга были опубликованы в специальных «Примечаниях на ведомости ч.87 и 88» от 28 октября 1740 г.

³⁰ РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 312. Л.30 об.-31.

³¹ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 6. С.26; Сб. РИО. Т.92. С.4.

³² См.: *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 7. С.282.

³³ См.: РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 239. Л.285. Измайловский полк присягал в этот день на своем полковом дворе (см.: *Хмыров М.Д.* Густав Бирон, брат регента // Оснадацатый век. М., 1869. Кн.П. С.241).

³⁴ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 32. Л.1-11.

³⁵ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8286; Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М., 1998. С.347-348.

³⁶ РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 32. Л.225 об.

³⁷ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.75 отд. паг.; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. СПб., 1878. Т.3. С.1, 3; ПСЗ. Т.ХI. № 8263, 8264, 8266, 8278; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.10-11,20.

³⁸ См.: Сб. РИО. Т.85. С.340; РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 32. Л.49.

³⁹ *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.11.

⁴⁰ Следственное дело П.М.Ханыкова и других офицеров см.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 282. Л.1,5 об.,27.

⁴¹ См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.17-20.

⁴² Цит. по: Там же. С.16.

⁴³ РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.9. Л.91. См. также: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 6. С.27.

⁴⁴ См.: Сб. РИО. Т.85. С.334-335; Т.92. С.41; *Хмыров М.Д.* Исторические статьи. С.329-332; *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 7. С.285.

⁴⁵ См.: Там же. С.283; Сб. РИО. Т.92. С.17.

⁴⁶ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.51,57 отд. паг.

⁴⁷ См.: Сб. РИО. Т.85. С.27; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.23.

⁴⁸ См.: Памятники новой истории России. СПб., 1872. Т.2. С.311-312.

⁴⁹ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.9. Л.97-98,100.

⁵⁰ Там же. Ф.6. Оп.1. № 285. Л.7 об.,26-26 об.

⁵¹ См.: Сб. РИО. Т.85. С.339; *Хмыров М.Д.* Исторические статьи. С.333. Показания Бирона на Миниха см.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.85-92 отд. паг. Позднее сама цесаревна рассказала Шетарди, что получила от регента 20 тысяч рублей сверх назначенного ей содержания (см.: Сб. РИО. Т.96. С.296-297). После восшествия на престол Елизавета если и не реабилитировала свергнутого Бирона, то перевела из Сибири в Ярославль и заметно облегчила режим ссылки.

⁵² См.: Сб. РИО. Т.92. С.96-97; *Филитов А.Н.* Неизданный текст записки, представленной императрице Елизавете Петровне бывшим герцогом Эрнстом-Иоганном Бироном // ЖМНП. 1903. № 6. С.347.

⁵³ См.: *Герман Э.* Указ. соч. С.165; *Перевороты и войны.* С.167; *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.167,171.

⁵⁴ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 6. С.42; *Герман Э.* Указ. соч. С.163; *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 7. С.285.

⁵⁵ См.: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.1. Л.98.

⁵⁶ См.: Империя после Петра, 1725-1765 / Яков Шаховской. Василий Нащокин. Иван Неплюев. М., 1998. С.30-31.

⁵⁷ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.105. № 8286. Л.101 об.,25.

⁵⁸ См.: Там же. Ф.9. Оп.5. № 32. Л.58,80,101,134,189-194,270.

⁵⁹ См.: *Филитов А.Н.* Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших премьерах. СПб., 1911. С.501.

⁶⁰ См.: Сб. РИО. Т.85. С.364.

⁶¹ См.: Там же. С.380.

⁶² Цит. по: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.152.

⁶³ См.: Сб. РИО. Т.85. С.339,362; *Перевороты и войны.* С.305.

⁶⁴ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 4. С.149-150; № 6. С.27-35.

⁶⁵ См.: *Есипов Г.В.* Дешети прусского посла при русском дворе барона А. фон Мардефельда. 1740 г. // ДИНР. 1876. № 7. С.282; *Friedrich II. Politische correspondenz.* Berlin, 1879. Bd.1. S.114.

⁶⁶ См.: *Столюпин В.* Князь Антиох Кантемир в Париже // ВЕ. 1880. № 8. С.605.

⁶⁷ См.: Сб. РИО. Т.92. С.59.

⁶⁸ См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. 1896. № 8. С.54.

⁶⁹ См.: *Перевороты и войны.* С.303.

⁷⁰ В мемуарах Манштейна и знакомого с ними Миниха время сдвинуто на сутки, и арест Бирона датируется в ночь с 7 на 8 ноября, что противоречит современным событию датировкам иностранных послов, датам актов нового правительства и приказов по гвардейским полкам.

⁷¹ *Перевороты и войны.* С.169-170. Сообщения о перевороте у Миниха-младшего, Финча и Шетарди весьма близки к приведенному рассказу, что неудивительно, поскольку они получали информацию от самих Манштейна и Миниха-отца (см.: Сб. РИО. Т.85. С.380; Т.92. С.85).

⁷² См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 63. Л.39. Семеновский полк и Конная гвардия присягали утром 10 ноября (см.: Там же. № 112. Л.8 об.; Ф.2584. Оп.1. № 239. Л.307 об.-308).

⁷³ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.28-31 отд. паг. Копия манифеста опубликована С.Д.Шереметевым (см.: ЧОИДР. 1899. Кн.3. С.19-20 отд. паг.). См. также: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 63 (печатный экземпляр на немецком языке). Рукописный лист манифеста был скреплен подписями министров, членов Синода, сенаторов, генералитета, в т.ч. майоров гвардии. Но среди подписей можно встретить имена второстепенных чиновников и офицеров, оказавшихся в тот день во дворце и вместе с манифестом подписавших и новую присягу (см.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 52. Л.2-7 об.; № 53. Л.1-3 об.).

⁷⁴ Бирон якобы намеревался выдать свою дочь Гедвигу за сына голштинского герцога Фридриха-Карла (см.: *Валишевский К.Ф.* Царство женщин. М., 1989. С.365-366, без ссылок на источник). См. также: *Левин Л.И.* Указ. соч. С.60.

⁷⁵ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.52 отд. паг.; Сб. РИО. Т.92. С.96.

⁷⁶ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.10. Л.665.

⁷⁷ См.: *Михневич В.О.* Женское правление и его противники // ИВ. 1882. № 2. С.285-286.

⁷⁸ Шукинский сборник. М., 1903. Вып.2. С.451; 1907. Вып.6. С.29.

⁷⁹ Из материалов для истории и статистики г. Ельца // РА. 1866. №2. С.354. Автор подробного дневника Я.Маркович вымарывал и выдирав из него страницы, посвященные герцогу, а затем и «незаконному правлению» Ивана Антоновича (см.: *Маркович Я.* Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. Ч.2. С.123-124,126,130-131).

⁸⁰ См.: Сб. РИО. Т.85. С.246,342-343,345.

⁸¹ Там же. С.241,248,339.

- ⁸² См.: *Брикнер А.Г.* Падение Бирона // Новое слово. № 6. С.25-27, 35; Сб. РИО. Т.92. С.14,17.
- ⁸³ См.: *Вейдемейер А.В.* Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб., 1835. Ч.3. С.9; *Валлиевский К.Ф.* Царство женщин. С.370. Кажется, эта «декларация» от 27 января 1740 г., в которой Россия обязывалась «негоициями и сильно» поддержать «права саксонского дома о аустрийском наследстве» (о ней см.: АВПРИ. Ф.79. Оп.79/1. 1740 г. № 9. Л.82 об.,146-147), является единственным фактом вмешательства Бирона в иностранные дела. Во всяком случае на следствии Бирон не отрицал своего участия; правительство же принцессы Анны официально отреклось от «декларации», поскольку она была сделана герцогом «без приглашения нашего министерства» (Там же. № 5 б. Л.93).
- ⁸⁴ Сб. РИО. Т.92. С.67-68.
- ⁸⁵ Империя после Петра. С.33-34.
- ⁸⁶ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. В 11-ти т. М.-Л., 1959. Т.8. С.38.
- ⁸⁷ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.13. № 1098. Л.5,8-9,11 об.
- ⁸⁸ См.: Там же. № 1095. Л.19 об.
- ⁸⁹ Цит. по: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІ. С.133.
- ⁹⁰ См.: Перевороты и войны. С.400-401; РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.1. Л.119-120; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІ. С.28-29.
- ⁹¹ См.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1886. Кн.2. С.32.
- ⁹² См.: Сб. РИО. Т.92. С.91; РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.1. Л.31.
- ⁹³ См.: Там же. Ф.2583. Оп.1. № 246. Л.43-44 об.
- ⁹⁴ См.: Там же. Ф.393. Оп.12. № 63. Ч.1. Л.41 об.
- ⁹⁵ См.: *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т.2. С.47,100, 119,152; История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1883. Т.2. С.579.
- ⁹⁶ 10 декабря бывшие подследственные в штатском платье были выведены перед своими полками и трижды покрыты знаменем; после чего облачились в новые мундиры, получили шпаги и заняли свое место в строю (см.: *Дирин П.Н.* Указ. соч. Т.1. С.237). Несколько дней спустя особый манифест объявил, что помянутые офицеры и чиновники «неповинно страдали и кровь свою проливали» и отныне любое «порицание» их чести карается штрафом в размере жалования обидчика.
- ⁹⁷ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.1. Л.18,242-243; РГВИА. Ф.2584. Оп.1. № 239. Л.312.
- ⁹⁸ См.: *Мильников А.С.* Загадка барона Мюнхгаузена // Нева. 1982. № 2. С.197.
- ⁹⁹ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Л.104; Ф.6. Оп.1. № 290. Ч.1. Л.12-12 об.
- ¹⁰⁰ См.: Там же. Ф.6. Оп.1. № 290. Ч.4. Л.1-2; Ч.1. Л.26.
- ¹⁰¹ По свидетельству придворного ювелира, правительница срочно заказала их перделку, а своей любимой фрейлине Ю.Менгден пожаловала кафтаны регента и его сына с серебряными позументами (см.: *Корф М.А.* Брауншвейгское семейство. М., 1993. С.59, 64; *Позье И.* Записки придворного бриллианщика. СПб., 1870. С.85-86; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІ. С.29).
- ¹⁰² См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1740. 30 декабря; Сб. РИО. Т.92. С.91.
- ¹⁰³ См.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.2. С.7; Сб. РИО. Т.92. С.91.
- ¹⁰⁴ См.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 287. Ч.1. Л.23а-23а об.
- ¹⁰⁵ См.: Сб. РИО. Т.91. С.17.
- ¹⁰⁶ РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 287. Ч.1. Л.21 об.
- ¹⁰⁷ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.38 отд. паг.
- ¹⁰⁸ См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.169,172,176.
- ¹⁰⁹ См.: Там же. С.165,169-172; *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.51,54-55,57,72 отд. паг.
- ¹¹⁰ См.: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.202; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 312. Л.27 об.
- ¹¹¹ См.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1887. Т.4. С.610-611; РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 287. Ч.1. Л.241-241 об.; Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.1. Л.144 об.-145.
- ¹¹² См.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.2. С.7; *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.246; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.17-18, 25; ПСЗ. Т.ХІ. № 8288; РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.1. Л.85-86.
- ¹¹³ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.2. № 547. Л.26-32,51-52; Ф.2583. Оп.1. № 256. Л.1 об.
- ¹¹⁴ См.: Перевороты и войны. С.173-174. Например, Миних проигнорировал приказ генералиссимуса о предоставлении ему ведомостей о состоянии армии (см.: РГВИА. Ф.393. Оп.2. № 271. Л.1-1 об.).
- ¹¹⁵ См.: *Герман Э.* Указ. соч. С.178; Сб. РИО. Т.92. С.113,206.
- ¹¹⁶ ПСЗ. Т.ХІ. № 8326.
- ¹¹⁷ См.: Сб. РИО. Т.85. С.485.
- ¹¹⁸ Перевороты и войны. С.309.

- ¹¹⁹ Там же. С.186.
- ¹²⁰ См.: Сб. РИО. Т.91. С.8; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІ. С.34.
- ¹²¹ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.12. № 10. Л.12; № 75. Л.107-118; № 122. Л.88 об.; Ф.2584. Оп.1. № 257. Л.45.
- ¹²² См.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 313. Л.58-58 об. По-видимому, виновником всех этих предосторожностей был сам Миних, накануне предупредивший вице-канцлера М.Г.Головкина, что 4 марта в столице произойдет «бунт» (см.: Там же. № 306. Л.16 об.). Спешно начатое расследование ничего, за исключением слухов, не обнаружило, и заявление Миниха осталось без последствий.
- ¹²³ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.41. Вместе с Минихом покинул свой пост и его ставленник рекетмейстер А.Фенин, повинившийся во взятках, которые принимал в любом виде: серебряной посудой, «мужиками и девками киргиз-кайсаками», часами, ложками и запонками (см.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.2. С.16).
- ¹²⁴ См.: *Ключевский В.О.* Соч. В 9-ти т. М., 1989. Т.4. С.244; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С.557-558; *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХІ. С.29.
- ¹²⁵ Перевороты и войны. С.402-403.
- ¹²⁶ Там же. С.460-461.
- ¹²⁷ Там же. С.180.
- ¹²⁸ См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. №269. Ч.9. Л.113,121.
- ¹²⁹ См.: Там же. Ч.10. Л.6.
- ¹³⁰ См.: Там же. Ф.248. Оп.12. № 672. Л.95-184. Судя по этим справкам, итоговый реестр был подан в Кабинет 2 ноября 1741 г. — как раз накануне нового дворцового переворота.
- ¹³¹ Подсчитано нами по: Там же. Ф.7. Оп.1. № 5. Ч.2. Л.24а-26 об.
- ¹³² См.: Там же. Л.29-34.
- ¹³³ См.: ПСЗ. Т.ХІ. №8349, 8357.
- ¹³⁴ О раздачах имений в правление Анны см.: РГАДА. Ф.1239. Оп.3. № 51926. Л.10-12.
- ¹³⁵ См., например: Сенатский архив. СПб., 1891. Т.4. С.7,62,115,124-125,136,156-157,651,665, 671,685,710.
- ¹³⁶ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 207. Л.1-2.
- ¹³⁷ См.: Материалы для истории имп. Академии наук. Т.4. С.151,561,735-736.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф.342. Оп.1. № 10. Ч.2. Л.311.
- ¹³⁹ См.: *Буллыгин И.А.* Вопрос о секуляризации духовных вотчин в правительственной политике 20-х — начала 60-х гг. XVIII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С.308-309.
- ¹⁴⁰ См.: *Семенова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С.160-161.
- ¹⁴¹ См.: РГАДА. Ф.156. Оп.1. № 218. Л.1-3.
- ¹⁴² Эта записка («мнение графа Остермана») опубликована в русском переводе XVIII века (см.: Памятники новой истории России.. СПб., 1873. Т.3. С.256-277). Ее первоначальный план-конспект помещен в: АКВ. М., 1880. Кн.24. С.1-5. В.Н.Строев считал, что последний текст был составлен Остерманом в 1730 г. для Анны Иоанновны (см.: *Строев В.Н.* Бироновщина и Кабинет министров (Очерки внутренней политики императрицы Анны). М., 1909. Ч.1. С.54); однако упоминание в тексте записки «его императорского величества», обращение к «правительнице» и ссылка на смерть «римского императора» позволяют отнести составление документа к концу 1740 г.
- ¹⁴³ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.1. Л.317.
- ¹⁴⁴ См.: *Веретенников В.И.* Из истории Тайной канцелярии, 1731-1762 гг.: Очерки. Харьков, 1911. С.21; РГАДА. Ф.7. Оп.1. № 269. Ч.10. Л.151.
- ¹⁴⁵ См.: ПСЗ. Т.ХІ. № 8293, 8294.
- ¹⁴⁶ Коллегия иностранных дел подала такой список в августе 1741 г. (см.: АВПРИ. Ф.15. Оп. 15/5. № 141. Л.1-2).
- ¹⁴⁷ См.: ПСЗ. Т.ХІ. № 8295, 8310, 8318.
- ¹⁴⁸ См.: РГАДА. Ф.14. Оп.1. № 47. Ч.1а. Л.1-9.
- ¹⁴⁹ См.: Там же. Ф.9. Оп.5. № 33. Ч.1а. Л.25-25 об.
- ¹⁵⁰ См.: *Удеников В.В.* Монеты императора Ивана Антоновича // ВИ. 1995. № 7. С.147.
- ¹⁵¹ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т.8. С.45,50.
- ¹⁵² См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 194. Л.240-251.
- ¹⁵³ См.: Там же. Ф.273. Оп.1. № 32207. Л.334.
- ¹⁵⁴ См.: Там же. Ф.20. Оп.1. № 50. Ч.1. Л.67.
- ¹⁵⁵ См.: Там же. Ф.19. Оп.1. № 215. Л.3-15 об. В итоге Анна решила сдать все кабаки на откуп (см.: Там же. Ф.273. Оп.1. № 34771. Л.59).
- ¹⁵⁶ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.1. № 113. Л.54-57.
- ¹⁵⁷ См.: Там же. Ф.11. Оп.1. № 393. Л.193-194.
- ¹⁵⁸ Подсчитано нами по: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.8-74.

¹⁵⁹ См.: Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.1. С.3-9,100,133.

¹⁶⁰ Из записок Фридриха Великого о России // РА. 1877. № 1. С.11; Перевороты и войны. С.207.

¹⁶¹ См.: *Марпенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1880. Т.5. С.316 и далее.

¹⁶² Перевороты и войны. С.175-176.

¹⁶³ См.: Там же. С.404-405; Сб. РИО. Т.85. С.438-439; Т.92. С.206-207.

¹⁶⁴ См.: *Friedrich II.* Op. cit. Bd.1. S.127,178. Уже отставленному от дел Миниху король просил передать, что лично присмотрел для него участок для постройки дома в Берлине (см.: Там же. С.403).

¹⁶⁵ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.1. № 6. Л.2-3,7-8.

¹⁶⁶ См.: Там же. № 10. Л.1-2.

¹⁶⁷ АВПРИ. Ф.77. Оп.77/1. 1741 г. № 7. Л. 230,285 об.

¹⁶⁸ См.: Там же. Ф.77. Оп.77/1. 1741 г. № 19. Л.2-3.

¹⁶⁹ См.: РГАДА. Ф.1261. Оп. 1. № 388. Л. 24 об.,26 об.; Ф.177. Оп.1. № 5. Л.7,9,38-38 об.

¹⁷⁰ См.: Сб. РИО. Т.91. С.114; Т.96. С.467.

¹⁷¹ См.: Там же. Т.91. С.337.

¹⁷² См.: *Ардабачкая А.М.* Из истории борьбы русской дипломатии с прусской агрессией в 40-е гг. XVIII в. // Уч. зап. Саратовского ун-та. Саратов, 1958. Т.66. С.124-125.

¹⁷³ См.: АВПРИ. Ф.32. Оп.32/1. 1741 г. № 10. Л.9; № 5а. Л.30,38.

¹⁷⁴ См.: Там же. № 5а. Л.72,149.

¹⁷⁵ См.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С.86. Даже в ноябре 1741 г. Остерман указывал, что Россия может выступить в поддержку Австрии только вместе с другими союзниками (см.: АВПРИ. Ф.32. Оп.32/1. 1741 г. № 5 а. Л.292-292 об.).

¹⁷⁶ См.: Перевороты и войны. С.308. К сожалению, эта ситуация не прокомментирована в известной публикации дипломатических документов Ф.Ф.Мартенса. Дрезденский трактат был заключен 11 апреля 1741 г.; Россия к нему официально не присоединилась, и ее представители не подписывали никаких обязательств (см.: ДИНР. 1875. № 6. С.192-193).

¹⁷⁷ См.: АВПРИ. Ф.89. Оп.89/1. 1741 г. № 115. Л.96.

¹⁷⁸ См.: Сб. РИО. Т.91. С.246.

¹⁷⁹ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.106. № 1634. Л.2-3.

¹⁸⁰ См.: Там же. Ф.16. Оп.1. № 160. Л.33.

¹⁸¹ См.: *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С.101; РГВИА. Ф.20. Оп.2. № 42. Л.38 об.-41,60 об.-61 об.,68. К октябрю 1741 г. на южных границах «в персидской экспедиции» находился корпус в 10 тысяч человек (см.: АВПРИ. Ф.77. Оп.77/1. 1741 г. № 19. Л.5-5 об.).

¹⁸² См.: Там же. Ф.93. Оп.93/1. 1741 г. № 7. Л.218; Ф.50. Оп. 50/1. 1741 г. № 4. Л.371 об.

¹⁸³ См.: Там же. Л.407.

¹⁸⁴ См.: Там же. Ф.74. Оп. 74/1. 1741 г. № 6. Л.86.

¹⁸⁵ См.: *Klueting H., Klueting E.* Graf Ostermann. Urkunden und Regesten. Amsterdam, 1972. Vol.1. Tafel III a.

¹⁸⁶ Мнения и споры кабинет-министров по поводу договора см.: АВПРИ. Ф.35. Оп.35/1. № 654. Л.7-9,34-37,42-42 об.,46-47,89-98.

¹⁸⁷ См.: Сб. РИО. Т.91. С.194-195,203,216,314.

¹⁸⁸ Перевороты и войны. С.307.

¹⁸⁹ См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.294-295.

¹⁹⁰ См.: *Валишевский К.Ф.* Царство женщин. С.379.

¹⁹¹ См.: Сб. РИО. Т.96. С. 271-272,399.

¹⁹² РГАДА. Ф.6. Оп.1 № 312. Л.45 об.

¹⁹³ См.: *Филиппов А.Н.* Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках. С.503; РГАДА. Ф.177. Оп.1. № 3. Л.12; Ф.6. Оп.1. № 304. Л.17 об.

¹⁹⁴ См.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С.79-106.

¹⁹⁵ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.1. № 113. Л.187-188,196-197.

¹⁹⁶ См.: РГАДА. Ф.177. Оп.2. № 111. Л.1 и далее; РГВИА. Ф.393. Оп.2. № 546. Л.33 и далее.

¹⁹⁷ См.: Сб. РИО. Т.96. С.73.

¹⁹⁸ См.: Там же. Т.91. С.294.

¹⁹⁹ См.: *Шебальский П.К.* Дело о курляндском герцоге Э.-И.Бироне. С.99-115 отд. паг.

²⁰⁰ См.: Там же. С.116 отд. паг.

²⁰¹ Подполковником семеновцев остался А.И.Ушаков, Конной гвардией командовали «младший подполковник» Ю.Ливен и премьер-майор П.Б.Черкасский. В Измайловском полку вместо Г.Бирона командиром стал генерал принц Людвиг Гессен-Гомбургский.

²⁰² О Липмане см.: *Ю.Г. [Гессен Ю.И.]* Липман Леви (Исаак Либман) // Еврейская энциклопедия. СПб., б.г. Т.10. Стб.223-225. За год своего правления Анна Леопольдовна приобрела бриллиантов и прочих украшений на сумму в 159517 рублей (подсчитано по: РГАДА. Ф.19. Оп.1. № 182. Ч.1. Л.93-102).

²⁰³ См.: РГАДА. Ф.20. Оп.1. № 151. Л.1-22 об.

²⁰⁴ См.: Там же. Ф.286. Оп.1. № 262. Л.1 71.

²⁰⁵ См.: Сб. РИО. Т.96. С.448-449.

²⁰⁶ См.: РГАДА. Ф.286. Оп.1. № 114. Л.544-549 об. См. также именные указы в Сенат о пожалованиях: Сенатский архив. СПб., 1890. Т.3. С.96-97,131,136,185-186,292-293,325,378-379,396,419.

²⁰⁷ См.: РГВИА. Ф.393. Оп.1. № 155. Л.169-179.

²⁰⁸ См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.13.

²⁰⁹ См.: Там же. С.18,23,26,63.

²¹⁰ См.: РГАДА. Ф.9. Оп.5. № 38. Ч.4. Л.8-9.

²¹¹ См.: Барон Мюнхгаузен — российский кирасир. Документы 1739-1741 гг. // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. М., 1995. Вып. VI. С.49-54.

²¹² См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. Т.3. С.27,29,31,35.

²¹³ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8516; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С.126-127.

²¹⁴ Цит. по: *Валишевский К.Ф.* Царство женщин. С.388-389. После переворота 25 ноября 1741 г. на следствии П.Грамотин простодушно объяснял, что никаких взяток «с принуждения или с угроз» не вымогал, а брал только то, что давали «без всякого принуждения»: золотые табакерки, коляску с парой лошадей, часы, и исключительно «для одного своего неимущества» (см.: РГАДА. Ф.6. Оп.1. № 313. Л.25-25 об.).

²¹⁵ См.: *Семенова Л.Н.* Указ. соч. С.162.

²¹⁶ См.: ПСЗ. Т.ХI. № 8306, 8320, 8446.

²¹⁷ См.: Там же. № 8638.

²¹⁸ См.: РГАДА. Ф.248. Оп.106. № 1543. Л.29 и далее.

²¹⁹ См.: Сб. РИО. Т.91. С.294-295; Т.96. С.489.

²²⁰ См.: *Левин Л.И.* Указ. соч. С.94; Сб. РИО. Т.91. С.331,337; Т.96. С.358,431,467,535-536.

²²¹ Цит. по: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.48.

²²² См.: Сенатский архив. СПб., 1898. Т.5. С.311-312.

²²³ См.: РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 8. Л.10 об.,15.

²²⁴ См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн.ХI. С.49; РГАДА. Ф.3. Оп.1. № 8. Л.27.

²²⁵ См.: Там же. Л.23 об.-24.

²²⁶ См.: РГАДА. Ф.2. Оп.1. № 55. Л.3-10. Этот текст опубликован в: *Пекарский П.П.* Исторические бумаги, собранные К.И.Арсеньевым. С.154-160.

²²⁷ См.: *Валишевский К.Ф.* Дочь Петра Великого. М., 1989. С.30.

²²⁸ См.: *Долгоруков П.В.* Правда о России. Париж, 1861. Т.1. С.231; Перевороты и войны. С.192.